

Дневник ополченца

Петр Павлович Пшеничный родился 22 июня 1900 года в слободе Николаевская Камышинского уезда. В 1919–1921 годах служил в рядах Красной Армии. Работал фининспектором. После войны — в Наркомфине (позже Министерстве финансов СССР), начальником Управления финансирования капитального строительства. Умер в 1966 году.

«Дневник ополченца» — это подлинные военные дневники участника боевых событий Великой Отечественной войны, прошедшего фронт с первых дней войны до дня Победы.

В начале июля 1941 года Петр Павлович Пшеничный вступил добровольно в ряды Московского ополчения. В чине капитана он был комиссаром полковой артиллерийской батареи 76-миллиметровых орудий 1291-го стрелкового полка, входившего в 4-ю дивизию народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы. Позже он был парторгом полка, затем начальником политотдела 11-й гвардейской армии и Политуправления Особого военного округа. Был награжден четырьмя орденами и шестью медалями.

Он автор воспоминаний «Наш полк в тылу врага», напечатанных в сборнике статей «Народное ополчение Москвы», изданном «Московским рабочим» в 1961 году, к 20-летию начала войны.

П.П. Пшеничному, как комиссару полка, было предписано вести его боевую историю, отсюда и появились дневниковые записи.

1941 ГОД

22 июня. В 11 часов утра по радио было объявлено, что сейчас будет выступать народный комиссар иностранных дел тов. В.М. Молотов. Тов. Молотов оповестил советский народ о вероломном нападении германского фашизма на нашу Родину, сообщил, что ряд пограничных городов подвергся бомбардировке и что нашему народу предстоят серьезные испытания в борьбе с врагом. Он призвал к сплоченности вокруг коммунистической партии.

Я понял, что для меня, сорокалетнего, имевшего уже опыт гражданской войны, наступила пора снова взяться за оружие.

23–30 июня. Ждал вызова в райвоенкомат либо в Московскую Пролетарскую дивизию, к которой был приписан как командир запаса. Несколько раз звонил в эти места, но получал неизменный ответ: «Не волнуйтесь и не торопитесь. когда придет время, получите повестку».

С 3 июля в Москве началось формирование добровольческих ополченческих частей. Объявили, что в Куйбышевском районе формируется 4-я стрелковая

дивизия народного ополчения. Более 60 человек моих сослуживцев по Наркомфину СССР вступили добровольцами в ряды ополченцев.

До 5 июля я повестки с вызовом в райвоенкомат не получил, поэтому вступил в 4-ю стрелковую дивизию народного ополчения Куйбышевского района г. Москвы.

С 6 июля живу на казарменном положении в здании средней школы по Машкову переулку.

Прибыли командиры — выпускники средних военных училищ, все молодежь 20–23 лет. Меня назначили рядовым во 2-ю роту 3-го стрелкового полка. Здесь много сослуживцев — работников Наркомфина СССР, а также бывших работников других предприятий и учреждений района. Началась боевая подготовка — изучение уставов и наставлений. Затем откуда-то была извлечена старая винтовка системы «лебель», по которой ополченцы начали изучать материальную часть оружия.

Период между 6–12 июля является организационным. Обнаружилось при этом много непродуманного, хаотичного, непонятного.

12 июля. Начались разговоры о том, что сегодня полк выступает. Наши молодые лейтенанты, командиры рот и взводов ничего не могли сказать о целях и направлении предстоящего движения. В 17.00 последовала команда построить роты с вещами, при этом приказали быть налегке, не брать с собой много вещей. Потом из-за этой глупой команды мы начали страдать от холодных ночей, так как не взяли с собой пальто, шинели, плащи; страдали от грязи, так как не имели смены белья.

14 июля. Не доезжая Вязьмы, свернули с шоссе в ближайший кустарник, замаскировали автомашины. Ночью была объявлена воздушная тревога. Вражеские самолеты дали несколько очередей из пулеметов по автотранспорту на шоссе Москва–Минск.

Рано утром двинулись в путь, но не на Смоленск, а пересекли шоссе и по проселку держим путь на г. Белый и Ржев, то есть на север и северо-запад. Через несколько часов езды мы оказались в Калужской области. Жара нестерпимая. Пыль.

Движемся без отдыха, без пищи. Люди измучены.

Чувствуется, что командование либо не знает твердо своего маршрута, либо заблудилось.

Наконец, наше движение началось опять на юго-запад, то есть в обратном направлении.

Никто не говорит о смысле и цели нашей поездки.

Днем пролетали самолеты противника, сбросили агитационные листовки.

15 июля. Едем по Смоленской области, по населенным пунктам реки Днепр. Ночью разгрузились, устроили шалаши.

Ночью же выстроили 150 человек ополченцев, и выяснилось, что только 30 человек умеют стрелять из винтовки, стало быть, остальные 120 человек вообще не подготовлены в военном отношении.

Из числа отобранных для военного дела людей под мою команду дали 6 человек, а меня назначили начальником караула по охране деревянного моста через р. Днепр у дер. Нероново Андреевского р-на Смоленской обл.

Задача караула состояла в том, чтобы не дать шпионам взорвать мост через реку. Эту задачу бойцы выполнили четко и исправно.

16 июля. Начались земляные работы широкого масштаба по восточному берегу Днепра. Люди из наркоматов и канцелярий, не привыкшие к физическому труду, начали болеть, но постепенно втянулись в рытье противотанковых рвов и траншей.

Наблюдаем бесконечное движение людского потока на восток, с имуществом и детьми на возах, а по обочинам дорог плетется измученный и голодный скот из смоленских колхозов.

18 июля. Продолжаем возводить укрепления на возвышенностях у деревни Нероново, пренебрегая осторожностью и маскировкой. В 16 часов фашистский разведчик на бреющем полете начал нас расстреливать, к счастью, никто не пострадал; но этот случай научил людей осторожности.

19 июля. Работы закончены, нас перебросили на другой участок в 5–8 км от дер. Нероново.

Днем происходили выборы партбюро роты. Я избран секретарем партбюро.

После дневной тяжелой работы люди смогли вымыться в бане и надеялись отдохнуть, но этого не случилось. По тревоге полк был поднят, роздан сухой паек, и люди были предупреждены о предстоящем большом марше.

20 июля. С 4 часов утра до 7 часов вечера полк совершил сорокакилометровый марш в дер. Конопатино, близ Сычевки (к северу от Вязьмы). Как всегда, командование проявило беспомощность и пренебрежение к людям, — ополченцы, не привыкшие к длительным переходам, не были проинструктированы о режиме марша, им не подготовили пищу и кипяток. Имеются люди отставшие и потерявшие на марше, есть с большими потертостями ног. Все устали до изнеможения и обозлены на нераспорядительность командования.

22 июля. В 12 часов ночи почти весь полк был поднят.

Огромное количество самолетов противника устремилось на восток, к Москве. Утром люди были выведены на рытье противотанковых рвов вокруг дер. Конопатино.

Днем получена сводка о первом налете немецкой авиации на Москву. Москвичи-ополченцы с тревогой встретили это известие, у многих там остались родные и близкие.

Неприятное впечатление также произвело сообщение о предательстве высшего командования Западного фронта — генерала Павлова и других.

23, 24 и 25 июля. Весь первый батальон частями на автомашинах перебрасывался на новый участок на 30 и 40 км ближе к фронту. Сообщено о третьем налете вражеской авиации на Москву. Растет тревога за близких.

26 июля. Полк сосредоточился в дер. Болшево Андреевского района Смоленской области для возведения мощных противотанковых укреплений. Здесь, у истоков Днепра, природа создала прекрасные условия для длительной и стойкой обороны. На этих позициях командование надеется дать отпор врагу.

Я пока занимаю в роте должность снайпера-наблюдателя и секретаря партбюро, поэтому прикреплен к ячейке управления роты. Ежедневно по 2–3 часа работаю на земляных работах, прикрепляясь к тому или другому взводу.

7 августа. Целый день проходило принятие присяги.

Все бойцы приняли присягу, случаев отказа не было, не было каких-либо сомнений.

Вечером того же дня на основании приказа комиссара батальона я направлялся политруком в артиллерийскую батарею 76-миллиметровых орудий. Батарея из 76-миллиметровых пушек — подразделение небольшое, всего 43 человека, но так как пушек нет, то артиллеристы вооружены, как и все мы, винтовками и еще двумя пулеметами бельгийского происхождения.

Они проходят военную подготовку пехотинцев.

13 августа. В 10 часов утра получили приказ выступать на юго-восток к Вязьме. В течение 45 минут батарея собралась, выступили бодро, прошли 8 км до дер. Завражье. Пообедали, разместились на сеновалах.

14–27 августа. Идет укомплектование полка, проводится боевая подготовка применительно к пехоте; усиленно ведется подготовка к выступлению на передовую. Приблизились еще на 12 км к линии фронта в район дер. Замашки Ново-Дугинского района.

Занимаем вторые линии (второй эшелон) — принадлежим к резервам армии. Получили пока две пушки 76-миллиметровой полевой артиллерии.

31 августа. Получили полный комплект 76-миллиметровых пушек— четыре. Изучаем материальную часть пушки, получили запасные части, стереотрубу, телефонные аппараты.

4 сентября. Получили 36 лошадей, но лошади дрянные, как артиллерийские, так и строевые: маленькие, молодые, малосильные.

Организуем конюшни, привязи, питание. На это уходит много времени.

5–6 сентября. Проводим парную езду спарованных орудийных лошадей. Подобрали ездовых. Проводили занятия с пушкой.

9 сентября. Утром получили приказ подготовиться к комбинированному маршруту, — это значит пеший, железнодорожный и автомобильный способы передвижения.

Получена сводка Совинформбюро: за 26 дней августа на западном направлении Красная Армия разгромила 8 пехотных и одну танковую дивизию противника. Обратно взят г. Ельня.

В 11 часов командир полка созвал совещание командно-политического состава и поставил задачу движения и марша: перебрасываемся на северо-западное направление в помощь героическим частям, отстаивающим Ленинград.

12 сентября. В 4 часа утра совещание у командира полка. Зачитан боевой приказ. Выступаем пешим походом на расстояние 70 км.

Маршрут: Кувшинов, Тараскино, Петровское, Жданово, Сухино, Святое (озеро Селигер).

С 6 часов утра идет мелкий осенний дождь. Все мокрые. Двигаемся в плащ-палатках. К 14–15 часам все насквозь промокло. Дороги раскисли.

13 сентября. Ночевали в лесу под дождем. Костры не разгораются. Не проспали ночь, а промучились.

В 5 часов утра двинулись дальше. 14 сентября в 5 часов 30 минут утра остановились в дер. Малое Веретьё Осташкинского р-на Калининской обл.

Целый день отдыхали. За два дня прошли 82 км, потерь нет.

Постоянно идет дождь.

Получили боевое имущество.

Ночью дан приказ о занятии огневых рубежей.

16 сентября. Передвинулись на 8 км ближе к фронту в район дер. Мошенки и Просуха. Шли ночью под дождем. Холод пронизывающий.

18 сентября. Получен приказ передвинуться к противнику на передний рубеж. Снимаемся в 5 часов утра.

Идет дождь, дороги расползлись. Лошади вязнут по брюхо, еле-еле тащат артиллерию.

19 сентября. Расположились в лесу, близ дер. Гославль, что в 3 км от оз. Селигер. Близко слышны орудийные выстрелы.

Дождь и невылазная грязь.

Приказано рассредоточить орудия по наиболее важным точкам.

21 сентября. Спим в шалашах в лесу. Холодно. На заре разжигаем костры и греемся. Порывистый ветер с дождем.

22 сентября. Пришла печальная весть о сдаче Киева.

24–30 сентября. Меняем позиции. Выставляем орудия для прямой наводки по открытым целям.

Из дер. Скит перебросили орудия и очень удобно расставили их по берегу Селигера у деревень Лыково и Ходыриха.

2 октября. Получен приказ изменить дислокацию. Весь полк готовится сделать переход в 40 км к Осташкову (у Селигера). В 17 часов выступаем батареей, обоз отправлен вперед.

3 октября. Двигаемся целую ночь. Ночь светлая, дорога приличная, однако люди устали.

4 октября. В 8 часов утра прибыли в пункт сосредоточения — село Святое. Расположились в лесу в шалашах. Холодно, уже заморозки.

5 октября. Отдыхают люди и кони. Приводится в порядок и чистится материальная часть орудий.

В 17 часов приказано занять жилые дома, — предстоит десятидневный отдых, люди довольны... Но в 18 часов командир батареи был вызван в штаб полка, откуда вернулся с приказом немедленно сниматься для совершения марша в 90 км в направлении Ржева: в этом районе противник сосредотачивает силы для удара на Москву.

6 октября. Всю ночь шли без сна и отдыха, прошли 40 км.

Люди и кони измучены без пищи. Нужно пройти еще километров 25.

Не дойдя 12 км, остановились на 30 минут покормить лошадей.

Не прошли и полкилометра, как появились три немецких истребителя, которые, зайдя вперед колонны на 5 км, начали с пике поливать свинцом наши в беспорядке движущиеся по шоссе колонны. Налет не обошел и батарею. Все попадали на землю. Замаскировать орудия в лесу было невозможно, так как лес отстоял на километр от шоссе. В результате — три человека ранено, трое убиты. Потеряли трех лошадей, семь ранено.

Средства отражения воздушной атаки у нас были, но почему-то не приводились в действие...(?!).

Просидели до ночи в лесу. С наступлением темноты двинулись на Селижарово — путь в 40 км.

7 октября. Утром прибыли в Селижарово. Целый день отдыхаем в расположении лесозавода.

В 16 часов снимаемся в направлении Ельницы. Целую ночь до 7 часов утра двигались к Ельнице.

8 октября. Разместились в Ельнице в частных домах.

Измучены люди и кони, еле добрались. Все бросились на еду — и в сон.

В 14 часов получен приказ выступить в направлении Селижарова (!!!). Отказываюсь понимать. Что это? Растерянность командования или военное недомыслие?.. Зачем было гнать из Селижарова в Ельницу? Говорят, что нужно погрузиться в Селижарове 10 октября в 6 часов и переправиться в Можайск.

Готовим людей и коней к выступлению в обратный путь, который мы с таким трудом преодолели. Выступаем в 18–19 часов 9 октября.

10 октября. Разместились в дер. Нивка, под Селижаровом. Вечером двигаемся к станции. Ночь провели в лесу. Утром грузимся.

11 октября. Ночью уже стояли в Москве на Киевской-товарной. Далее двинулись в направлении Малого Ярославца, на юго-восток от Москвы. По пути видели расстрелянные и разбомбленные эшелоны, убитых лошадей, разбитые вагоны, огромные воронки от снарядов — результат массированного налета противника. Здесь, по показаниям жителей, убито в поезде до 100 человек и 30 лошадей.

Добрались до разъезда Воронино. К нашему эшелону примкнули бойцы разбитого полка. Рассказывают потрясающие вещи о неорганизованности и

беспомощности. Когда мы двигались из Москвы, нас все время сопровождали наши самолеты. Неужели этого нельзя было сделать на день раньше — а именно 9–10 октября, когда враг господствовал авиацией по линии железной дороги от Наро-Фоминска до Малоярославца и наносил нашим частям большие потери, что мы и наблюдали по дороге. Беспечностью, иначе ничем нельзя объяснить такую неорганизованность и непредусмотрительность нашего командования.

14 октября. Выступаем в направлении дер. Редькино и готовимся со второй половины дня в наступление на дер. Митяево.

Идут упорные бои за город Боровск.

Орудия по взводам рассредоточили на огневых позициях.

Первый взвод открыл огонь. Расстреляв все свои снаряды, он снялся с позиции.

Перехватили одного немца. Командир взвода задержался с этим пленным, и, вместо быстрого отвода орудий в тыл, он попал в окружение с двумя орудиями и ездовыми — весь орудийный расчет... Будучи во втором взводе, я принял участие в стрельбе по другому краю деревни. После трех выстрелов неприятель обнаружил нас и засыпал минами.

Не имея потерь в людях и конском составе, пришлось отвести орудия в тыл.

Придя на командный пункт батальона, я попал со всеми там находящимися под перекрестный огонь немецких автоматчиков, но наступившая ночь скрыла нас от них, и вся наша группа отошла к дер. Редькино. Итак, деревню взять не удалось, при этом мы понесли потери до 30 человек.

15 октября. Пытались отбить наступление неприятеля на Редькино, но были оттеснены к дер. Колодино.

Обоз выслали вперед, поэтому люди голодали 15 и 16 октября.

16 октября. Получили боевое задание готовиться к боям за взятие дер. Русино, занятой неприятелем.

В ночь с 16 на 17 октября начался бой. Сила минометного огня неприятеля была так велика, что люди приковывались к земле. Сопоставляя наши силы с силами противника, я понял, что деревню мы не возьмем. Так оно и вышло.

Бессонные ночи, недоедание обессилили бойцов, поэтому при усилении неприятельского минометного огня наши роты теряют боеспособность и отходят. Говорят, что 18 октября наступление повторится.

18 октября. Действительно, мы получили танковый полк, который развернувшись повел за собой неустойчивую часть 1-го и 3-го батальонов. Танки были пропущены в дер. Русино, но четыре из них были подожжены, а на пехоту обрушился минометный огонь. Мы открыли оружейный огонь по деревне, выпустили 15 снарядов, но враг пристрелялся и начал поражать нас минами. Наступление провалилось. Танки и полк отошли на исходные рубежи.

Потери наши очень большие. В 9-й роте комсостав выведен из строя. Что-то похожее на бессилие. Авиация противника господствует, а нашей не видно. Неужели мы так воюем? Местное население деморализовано. Сведения о сдаче Мелитополя и Одессы усиливают унылое настроение бойцов, вызывают в них отчаяние, неверие в наши силы.

20 октября. В 7 часов утра началось наступление немцев на наше расположение — деревни Инютино и Климакино.

После развернутого наступления и минометного огня наша пехота начала отходить, мы стали вывозить орудия, отступать. В течение получаса неприятель гнал нас, заняв деревни Инютино и Климакино, к переезду Воронино, а еще через полчаса все — пехота, артиллерия полка и дивизии — сгруппировались в дер. Добрино, и со всех сторон начался обстрел автоматчиками.

Всю эту деморализованную и в панике отступающую массу людей, подвод, орудий неприятель погнал самым решительным образом.

Никто не мог ему дать отпор, закрепиться в обороне.

Командир полка Дедов, потерявший самообладание и спокойствие, пытался удержать на оборонительном рубеже в беспорядке разбегающуюся пехоту, но все было тщетно — от него бежало все, все уходило в панике. Тогда ему подвели коня, и он быстро ускакал, бросив людей и огромные обозы.

Мы каким-то чудом спасли наши орудия, перебросив их на измученных лошадях в дер. Каменку.

Ночь и день двигаемся, утопая по колено в грязи, проселками и лесами в направлении Красной Пахры.

21 октября. Прибыли в Красную Пахру. Отдыхаем, отмываемся от грязи. Прошло уже три дня с момента нашего панического бегства от деревни Климакино. От полка осталось не более 300 человек, полковой обоз, противотанковая батарея с 2–3 пушками и наша 76-миллиметровая артиллерия с двумя пушками. Командования и штаба нет. Где они — никто не знает. Все в растерянности. Задаешься вопросом — кто виноват? Кто довел до такого состояния нашу сильнейшую армию?

Мы же десятилетиями оснащали ее боевой техникой. Где танки? Где наша авиация?

23 октября. Пытаемся связаться с командованием полка или дивизии. Нам отвечают, что оно находится с остатками дивизии где-то в районе Каменки.

Переехали из Красной Пахры в дер. Пучково под командование своих бесславных командиров 11-й дивизии. Нужно переформирование дивизии. То, что мы имеем сейчас, — это деморализованная, небоеспособная масса. Командование не отличается ни энергией, ни умением руководить боем. Мы уже стоим под Москвой. Предвижу огромные жертвы ввиду жестоких сражений, которые будут вестись на подступах к столице. Враг у Наро-Фоминска.

24 октября. Стоим в дер. Пучково. Разослали связных-разведчиков для отыскания командования дивизии. Весь день стоим и в напряжении ждем команды к движению.

Люди из-за этого не могут привести себя в порядок — сменить и постирать белье. Растет возмущение. Чувствуется бездеятельность и отсутствие воли у командования. От полка здесь, в селе Пучкове, не более 500 человек, остальные разбрелись в направлении Наро-Фоминска, Подольска и даже Москвы. Состояние людей подавленное, при первой же стычке бойцы опять разбегутся в разные стороны.

Нужно отвести наши остатки подальше от фронта и переформировать, вооружить и обмундировать.

25 октября. Беседовал с командиром полка Дедовым. Говорил ему об отвратительном состоянии бойцов, а также и о материальной части. Восемь человек разуты, у ботинок нет подошв, ходят на портянках, нет достаточного продовольствия. Завшивели все бойцы и командиры. Наше подразделение не в состоянии выполнять боевой приказ. Я предложил командиру полка доложить об этом командиру дивизии. На это он мне ответил, что он в курсе всей обстановки, знает, что мы не боеспособная часть, и все же необходимо выполнить приказ дивизии — переброситься на 25 км от Пучково до дер. Голохвастово, что в 10 км от Наро-Фоминска, и там, сосредоточившись, занять оборонительный рубеж. Гибельное указание!.. Мы же не можем держать оборону!.. Интересно, что командир полка и начальник штаба согласны со мной, однако нужно выполнять гибельный приказ, угробить людей и материальную часть... Что за дикость?..

26 октября. Остановились в дер. Белоусово, ждем указаний. Проливной дождь и холод. Основной костяк батареи начинает роптать. Бегут почти на наших глазах командиры отделений, бойцы. Получен приказ передвинуться на 5 км в дер. Могутово.

27 октября. Проводим ночь на холоде, в сараях, под дождем и голодные. Связываемся со штабом дивизии и получаем приказ занять оборону на Волковской даче (бывшее лесничество).

К исходу дня сосредотачиваемся на даче.

28 октября. Отрываем землянки. Наша хозяйственная часть в дер. Могутово. Продовольственные дела поправляются, получаем горячую пищу.

1–12 ноября. Стоим на переднем крае обороны. Пушки расставили в местах возможного прорыва танков. Откопали землянки. Рубеж, который занимаем — опушка леса, — отстоит от неприятельских окопов в 500 м у дер. Слизнево.

11 ноября наступали на Слизнево с целью дать возможность развернуть генеральное наступление первому полку на дер. Атепцево.

13 ноября. Наступление провалилось.

Противник шквальным минометным огнем не дал нам развить наступление. Мы отошли с небольшими потерями.

21 ноября. Подвозят зимнее обмундирование, налаживается питание. Противник обстреливает каждый день из села Слизнево. Каждый день потери. Противник без боев наносит большой ущерб.

1 декабря. В 7 часов 30 минут утра противник начал ожесточенную минометную и артиллерийскую подготовку.

Через час, в 8 часов 30 минут, немцы повели согласованное и ритмичное наступление на наш рубеж.

Полк оборонялся, затем стал отходить. Пушки вывести не сумели, так как из-за сильного огня нельзя было подвести коней.

Автоматчики уже заняли опушку леса, на которой был наш рубеж обороны, оттеснили нашу пехоту в глубь леса. От пушки вернулись командир взвода Александров, командир орудия Хабалов, бойцы Жиделеев и Лузгин, а остальные остались у пушки. Лузгин рассказал трагическую историю орудийного расчета: бойцы Лузгин, Ефремов, Прохоров и Тихонов сидели в ровике около пушки, подошел немецкий автоматчик и бросил в ровик гранату, троих ранило, за исключением Лузгина. Когда раненый Тихонов попытался вылезти из ровика, в него была пущена очередь из автомата, и он мертвый свалился в ровик. Лузгин через 10 минут вылез из ровика и оврагом добрался до нашего командного пункта, находившегося в 300 м от пушки. Немцы наступали на нас. Мы с командным пунктом полка начали отходить, все время отстреливаясь.

Итак, идя с боями, мы отходили до Волковой дачи. Потери большие. На Волковой даче закрепились в присутствии руководства дивизии. Однако ночью дача была занята немцами.

2 декабря. Утром мы перешли в контратаку на дачу.

Немцы нажимали, неся большие потери.

К двум часам дня мы, небольшая группа (100–120 человек) во главе с командиром, комиссаром и начальником политотдела дивизии, оказались в окружении, так как в лоб на нас шли немецкие автоматчики, а с тыла били немецкие танки.

Я оказался со своим связным Белоуховым, лейтенантом — начальником артиллерии Хорданским и еще с семью бойцами в непосредственной близости от немецкой артиллерии. Чтобы не выдать себя, мы простояли под соснами 4 часа и, когда стемнело, начали выходить из окружения. До 4 часов утра 3 декабря мы проделали не менее 30 км, вышли в расположение своих частей.

3 декабря. Подошедшие к нам на помощь три средних танка сделали свое благое дело.

Укрывшись на опушке леса за дер. Могутово, они стали ждать противника, который стал атаковать нас. Танки открыли шквальный огонь, уничтожив до 200 автоматчиков.

4 декабря. После такого удара под дер. Могутово немцы быстро покинули эту деревню, Волкову дачу и весь четырехкилометровый лес и закрепились на старых позициях в дер. Слизнево.

Мы также заняли старую линию обороны, которую держали 1 декабря.

5 декабря. Из инвалидов-пушек одну поставили на Волковой даче. На старом месте нашли трупы наших товарищей Тихонова и Прохорова. Остальные четверо, видимо, попали в плен.

Нашли передок от пушки, а самую пушку немцы утащили к себе.

6–15 декабря. Дни относительно спокойные. Пушку перевели на старую огневую позицию.

17 декабря. У командира полка С.Д. Лобачева состоялось совещание, на котором была поставлена задача: 1291-му стрелковому полку поручалось незаметно для противника перейти линию вражеской обороны севернее дер. Атепцево, форсировать Нару, углубиться на 2–3 км в тыл противника, окружить, а затем уничтожить его группировку, оборонявшую линию Елагино–Атепцево–Слизнево.

Командир полка четко определил задачи каждого подразделения в бою, и в том числе нашей полковой артиллерийской батареи 76-миллиметровых пушек.

Нам, артиллеристам, поставили следующую задачу — обстреливать противника, находящегося в дер. Атепцево, и поддерживать 1291-й полк, который будет действовать в тылу врага.

Движение подразделений началось ранним утром 18 декабря.

Батальоны один за другим двинулись к линии обороны противника, в тыл врага.

Прошло уже более часа, как последний боец исчез в морозной мгле. Зайдя в тыл врага, основные силы полка — стрелковые роты и спецподразделения — быстро сосредоточились в районе высот 196,7 и 195,6, которые находились в лесах за дер. Атепцево.

Но отдельные группы бойцов роты связи, саперной роты и других значительно отстали от основных сил полка. Противник их заметил и начал атаковать. В различных местах завязался бой.

Заместитель командира роты связи лейтенант Н.К. Соловьев собрал разрозненные группы бойцов и приказал пробиваться к основным силам полка. Солдаты были хорошо вооружены и могли оказывать сопротивление.

Но вскоре противник разгадал план русских и решил крепко держать свою линию обороны. К исходу второго дня (19 декабря) наш полк оказался полностью окруженным гитлеровцами.

Командование полка приняло решение — крепко держать круговую оборону, а под покровом ночи быстро маневрировать.

До трех раз полк менял свои позиции. Сталкиваясь лицом к лицу с врагом или оказываясь у него в тылу, наши бойцы наносили ему тяжелые потери.

Потянулись изнурительные бои, не прекращавшиеся ни днем ни ночью. Боеприпасы были на исходе, рация молчала, мы не знали, какова была обстановка в полку.

На пятые сутки борьбы в тылу врага поздно ночью к нам пришел связной боец Амелин, измученный, еле двигаясь. Связной доложил о тяжелом положении полка: люди обморожены, скопилось большое количество раненых, медикаменты и перевязочные средства подходят к концу, боеприпасов хватит лишь на сутки, рация не работает, так как аккумуляторы сели, средства обогрева отсутствуют, разводить костры запрещено, чтобы не выдать себя.

Информация связного встревожила нас. Нужно было немедленно оказывать товарищам помощь.

В течение последующих двух суток, периодически, с интервалами 7–8 часов в тыл врага на помощь полку направлялись по два-три связных с аккумуляторами, продуктами, медикаментами.

Лишь одна группа связных достигла расположения полка, остальные погибли. Радиосвязь с полком наладилась.

Второе и последнее крупное наступление на наш полк фашисты предприняли 26 декабря, рассчитывая зажать его в кольцо и уничтожить.

В критический момент командование дало нам, артиллеристам, сигнал начать обстрел — в небо взвились красные ракеты. Большинство из выпущенных снарядов легло в цель — по наступающим цепям врага, нанося ему большие потери. Наступление противника провалилось.

Шел восьмой день героической борьбы ополченцев в тылу врага. Бойцы и командиры стойко сражались, но, к сожалению, после каждого боя увеличивались потери — число раненых, убитых и обмороженных. Но боевой дух, несмотря на это, не покидал воинов, так как они видели, что несмотря на малочисленность, они наносят врагу огромные потери.

Утром 27 декабря разведывательные группы полка, совершающие ночные вылазки, донесли, что на шоссе Наро-Фоминск–Башкино полностью прекращено движение противника, что он активно перебрасывает силы в деревню Рождество на соединение со своим штабом.

Таким образом, боевая задача была успешно завершена 1291-м стрелковым полком. По спецсвязи был получен приказ дивизии идти на соединение с основными силами. Операция была завершена.

За успешно проведенную боевую операцию многих бойцов и командиров наградили орденами и медалями. Командир полка С.Д. Лобачев получил орден Ленина.

31 декабря встречаем новый, 1942 год с радостным чувством успеха, достигнутого неимоверными усилиями и огромными жертвами.

Мы получили подарки с угощениями и вином. Встречаем Новый год с надеждами на скорейшую победу.

1942 ГОД

2 января. Наступаем с целью обойти группировку немцев, закрепившуюся по линии железной дороги, то есть выйти им в тыл у деревни Рождества. Однако

эта операция не удалась. Простояв всю ночь на тридцатиградусном морозе, полк вернулся на исходные позиции.

3 января. Наш и первый полк ходили в наступление. Никакого толка из этого не вышло, а потеряли около 300 человек в обоих полках. Моя пушка взорвалась на mine. ранен боец, убита лошадь, исковеркан передок пушки. Эх, расейская расхлябанность! Командир дивизии, где Ваш батальон саперов? Почему мы так скверно работаем?

Пять дней в своих руках держим Атепцево и уже три раза взорвались на вражеских минах! Разве мы имеем право так легко жертвовать людьми и материальной частью?!

4 января. Нам дают третью пушку и людей. Через несколько дней будет опять полноценная батарея. Немец сидит крепко в своих дзотах и блиндажах. Несмотря на взятие нашими Малоярославца и окружение Боровска, немцы не думают покидать свои места, стоит тридцатиградусный мороз. Страшно и непонятно.

5–8 января. Полк перебрасывается в наступление на деревню Щекутино. В течение прошедших четырех дней наши попытки совместно с первым полком выбить немцев не увенчались успехом. Наша пушка била по дзотам противника, вела артиллерийскую подготовку, но после этого пехота не шла в наступление, поэтому артподготовка не давала желаемых результатов. Не чувствовалось умения вести наступательные действия.

10 января. В 3 часа утра получен приказ о стремительном отходе противника. Наша задача — догонять и уничтожать его.

Двинулись на Порядино, Митенино, Гастенково, Клин, Самород, Волченко и Верею. У Порядино простояли 17 часов на 35-градусном морозе.

Противник допустил нас в деревню, отступив к Митенино.

11 января. Стоим под Митенином сутки. Враг яростно защищается. Мы громим артиллерией, при этом несем потери. Врагу не по себе, он поспешно уходит, оставляя крупнокалиберные орудия.

12 января. Вошли в Митенино. Всюду трупы и пепелища.

13 января. Мы подтянули пушки к деревням Гуляева Гора и Клин.

Противник встретил сильным пулеметным огнем. Яростно за них цепляются немцы.

14–15 января. Стоим под Клином. Открыли убийственный артиллерийский огонь прямой наводкой. За два дня выпущено 130 снарядов, гранаты и

шрапнель. Попадание прекрасное. Командование хвалит. Обещают наградить командира взвода Данилова и наводчика Будакова.

16 января. Взяли Гуляеву Гору и Клин. Много убитых немцев, сожженных в домах, поджигаемых отступающими, — они сжигают своих убитых. Двигаемся маршем, не встречая сопротивления, в направлении дер. Самород и Волченки. Эти две деревни сожжены дотла. Население разбежалось в леса и отсиживалось в землянках и погребах, холодные и голодные.

18 января. Вели несколько атак на дер. Загряжье, которые не имели успеха. Противник отражал их сильным огнем автоматчиков, пулеметов и минометов. Выведены из строя оружейный расчет артполка и 8 лошадей. Во второй половине дня противник вел ураганный огонь из тяжелых орудий.

19 января. В 1 час ночи батарея была поднята по тревоге, чтобы в обход с востока осадить г. Верею. В 8 часов утра оказалось, что и дер. Загряжье, и г. Верея очищены от немцев, которые ушли еще 18 января в 23 часа... Неужели разведкой нельзя это было установить, а потом уже принимать решения? В 16 часов в город вошел комсостав батареи, а через два часа пришла и сама батарея. Остановились в домах горожан. Встречают со слезами на глазах, делятся своими переживаниями за время трехмесячного господства немцев. Город и деревня горят.

20–23 января. Отдыхаем в городе. Приводим себя в порядок, стираем и чиним свои вещи. Центрвоенторг снабдил выпивкой и хорошей закуской. Необходимо скорейшее пополнение полка — в стрелковых батальонах насчитывается в среднем по 80 человек.

24 января. В 1 час ночи неожиданно явился связной и предупредил о подготовке к движению в направлении Медынского шоссе.

В 8 часов утра двинулись всей огромной массой в виде дивизионных и полковых обозов. Эта процессия растянулась на 10–15 км без элементарных средств ПВО, совершенно не маскируясь.

В 15 часов налетел вражеский самолет и на виду наших двух истребителей начал обстреливать нас из пулемета. Счастливо отделались — один ранен. Странно, что наши истребители не оказали сопротивления.

Ночевали в полусожженной деревне.

25 января. На заре двинулись дальше, в 45 км от Вереи. Прошли деревни Медынского района, которые в основном сожжены. В 10 часов утра появился вражеский бомбардировщик и сбросил на нас три бомбы.

26 января. Остановились в селе Шанский Завод, бывшем крупном торговом селе Износенского района. Повсюду следы прошедших крупных боев, много убитых немцев.

27 января. Установили орудие на господствующей высоте у церкви и сделали артиллерийский налет на дер. Щевнево. Через час после этого противник засек нас и ответил губительным артогнем. Снаряды ложились в 10–15 метрах от цели. Противник выпустил 20–25 снарядов крупного калибра. К вечеру дер. Щевнево была нами взята. цена была высока.

28–31 января. Отдыхаем в дер. Щевнево. Пришло сообщение, что штаб Западного фронта утвердил меня в звании старшего политрука (приказ П/8 от 03.01.42 г.), о чем было сообщено в политчасть полка.

1 февраля. В 5 часов утра выдвигаемся на линию дер. Прудницы для атаки немцев, занявших эту и ряд других деревень.

2–7 февраля. Бои за деревни Водницкое, Терехово и Елманово носили упорный и ожесточенный характер. Три полка с большой оперативностью носились от подступов одной деревни к другой, но выбить немцев не удалось. Мы несли потери, а толку не было. Правда, противник тоже нес потери, но главным образом от артогня. Причина неудач — в слабой оперативно-боевой способности наших штабов, неорганизованности и слабом взаимодействии артиллерии с пехотой.

Вот один из примеров беспечности и расхлябанности нашего командования. 4 февраля решили отвести два полка на отдых. И вот из леса среди бела дня потянулись обозы и люди. Выехав в чистое поле, эти люди и кони встретились с 11 бомбардировщиками противника, которые открыли огонь по нам. Моя батарея в мгновение ока потеряла одного убитым — ездового Ивантеева и всех четырех лошадей. Орудие осталось без тяги. Из-за глупой беспечности наши потери исчисляются: 8–10 человек убитых, 6–8 человек раненых и убито 25–30 лошадей. Если мы будем так двигаться без маскировки, нас будут расстреливать, как куропаток.

Неожиданно 7 февраля был принят план наступления на эти же деревни. И вот отрадно было видеть четкость и спокойствие, уверенное движение пехоты и два броска атаки с криками «ура!». Враг поспешно отступил, успев сжечь только три дома из 31 двора.

8 февраля. Взятая атакой нашего полка деревня Терехово на заре была заполнена войсками, которые, не отдыхая, двинулись дальше, преследуя врага. Дорога отвратительная. Заносы. Сажу с бойцами взвода управления в Терехове и жду, когда в эту деревню с колоссальным трудом дотянут пушки вконец уставшие лошади.

На заре 9 февраля двигаемся дальше.

9–11 февраля. Приказано двумя полками атаковать деревни Мочалино и Пронькино. С наступлением темноты повели наступление. Орудие выкатили на огневые позиции и в упор расстреливали огневые точки противника. Занять деревни не удалось. Противник, засевший в дзотах, не допустил пехоту на близкое расстояние, расстреливал губительным огнем. Понеся потери, мы отступили.

13 февраля. на заре с боем бросились в атаку на противника в деревне Игумново и заняли ее, захватив трех пленных-раненых, обмундирование и один ручной пулемет. Артиллерию оставили в сожженной дер. Марьино, так как дорога в Игумново была заминирована.

К исходу дня противник, увидев, что потерял значительную коммуникацию — дер. Игумново, в связи с чем ему был отрезан путь к отступлению, начал поливать деревню снарядами из тяжелых орудий. У меня на одном орудии были выбиты все лошади, ранены командир взвода, два бойца-наводчика. И так ежедневно, методически через 2–3 часа противник ведет обстрел деревни.

16 февраля. Установили резиденцию для артиллерии в сожженной дер. Марьино, что в километре от дер. Игумново. Вырыли землянки на пепелищах. В землянках пыль и смрад. В этих тяжелых условиях живем уже несколько дней.

В ночь на 18 февраля предприняли атаку на дер. Рожково, были уже в деревне, но нас выбили немцы так же, как и прежде. Атака опять провалилась, пехота слаба во всех отношениях. Конечно, артиллерия большое дело, но без крепкой пехоты она не основная сила. Плохо, очень плохо мы ведем наступательную войну.

22–23 февраля. Деревня Игумново, в которой расположился штаб полка, по-прежнему является «деревней смерти», так как артиллерийские налеты противника неожиданны и ожесточенны, отчего мы несем потери.

Получили праздничные подарки. Было много вина.

26–28 февраля. Двигаемся дальше с большими потугами. Взяли деревни Мочалино и Пронькино. Противник оставил трупы своих солдат и дотла сжег обе деревни.

1–5 марта. Наш полк брошен на левый фланг занять маленькую деревушку Синеево. Натолкнулись на сильную оборону противника. Им сооружены большие укрепления. Бьемся уже четыре дня и безрезультатно. Несем большие потери.

6–10 марта. Переброшены на юго-запад километров на 15. Находимся в трех километрах от железной дороги и от шоссе Гжатск–Юхново с целью

прорвать оборону противника и выйти на Вязьму, соединившись с четырьмя дивизиями нашей армии.

11 марта. Заняли огневой рубеж. В первый же день была атака, которая кончилась неудачей, понесли большие потери.

Предпринимаем вторичную атаку с сильной артподготовкой и уничтожением огневых точек врага прямой наводкой. Атака оказалась безуспешной, несмотря на то, что она продолжалась 22 часа. Слаба пехота.

До 5 апреля был на излечении в медсанбате. Возвращаюсь на передовую.

16–20 апреля. Занимаем прежние огневые позиции и занимаем оборону. В эти дни противник бросил на соседнюю дивизию 125 человек немцев, живыми ушло только 6 человек, остальные были уничтожены губительным огнем. За это противник нещадно угощает нас снарядами и минами. Орудие тов. Хабалова бьет прямой наводкой и днем и ночью.

Противник сделал попытку пойти в наступление на укрепленный разъезд. Под прикрытием артогна 300 человек немцев пошли в атаку. Наши молчали. И когда артогонь противника утих, заговорили все наши огневые средства. Бой продолжался около трех часов. Из этой группы немцев едва ушло обратно 50 человек.

1 мая. Празднование 1 Мая было радостным. настроение бойцов приподнятое, получили подарки от трудящихся.

3–5 мая. Получен приказ двинуться на новое место в район деревень Марьино, Игумново, Пронькино, то есть туда, где мы дрались в феврале и занимали эти деревни. Двигаемся 4 и 5 мая. грязь невыносимая, люди и лошади измучены. Все же довели полностью людей, лошадей и материальную часть.

6–10 мая. Отрываем огневые позиции, землянки, ровики, закапываемся в землю. Наша задача — держать оборону. Организовали собственную батарейную кухню. Питание улучшилось. Занимаемся учебой.

Здесь мы простояли 17 дней, ведя активную оборону. Получен приказ передвинуться на новый рубеж.

26–31 мая. Переезжали ночью. Переход был быстр и без потерь. Расположились в первом эшелоне от противника в двух километрах от дер. Сорокино. Сидим на болотистом месте, вечная грязь и тина. Пытаемся рыть ровики, но в них быстро набирается вода. Приходится отливать воду из щелей.

1–4 июня. При переезде в дер. Слепцово я свалился под мост и серьезно повредил ногу, несколько дней пролежал в хозчасти в 2 км от передовой.

Узнал, что мою работу по партийно-политической части оценили хорошо. И это верно, ведь я всю душу вкладываю в свою работу.

22 июня. Меня выдвинули членом юбилейной комиссии по празднованию годовщины создания полка. разрабатываем проекты наград ветеранам, потребовались итоги боевых успехов батареи за год.

23–26 июня. Упорно занимаемся боевой подготовкой и политической работой. Учим подразделения метко поражать танки и живую силу противника, стойко защищать занятые рубежи, не отходить ни на шаг.

27–28 июня. В 2 часа ночи 28 июня мы были разбужены страшной артиллерийской канонадой на нашем правом фланге. Противник вел убийственный артиллерийский и минометный огонь с целью перехода в атаку. Целый час продолжался артиллерийский огонь, до трех часов, затем пехота пошла в атаку на нас. Создалось угрожающее положение. Противник вклинился в нашу оборону, смел одну роту и начал теснить другие. Мы двинули свою артиллерию для поддержки, в результате план атаки был сорван. К 10–11 часам утра немцы стали отходить на исходные позиции, неся при этом большие потери, — на всем участке он потерял до 1000–1500 человек, минометную и артиллерийскую батареи.

1 июля. Мы стреляли с закрытых позиций по дер. Горбуны. Выпущено 12 снарядов, убито 10 немцев, одно прямое попадание в дом и рассеяно до взвода пехоты противника.

5–6 июля. Из Москвы приехала делегация во главе с секретарем Куйбышевского РК ВКП(б) тов. Шаховым. Я пригласил их на огневые позиции и на НП посмотреть в стереотрубу на нашего врага. обещали, но не приехали. Выдали подарки в виде посылок.

16–20 июля. Стоим на старых огневых позициях. Занимаемся по-прежнему боевой подготовкой. Сводки информбюро тревожны. Враг идет на Воронеж и юг. Ждем встречи на нашем участке, мы все понимаем, что долго в обороне он сидеть не будет.

1–5 августа. Готовимся к наступательным боям. Один из орудийных расчетов моей батареи готовит материальную часть пушки и тренируется для предстоящих боев.

7 августа. Снимаемся с существующих огневых позиций. Двигаемся всю ночь. Путь в 30 км сделали к 16 часам 8 августа.

8–10 августа. Быстро заняли огневые рубежи на левом берегу реки Истра, на западной окраине дер. Поляны. Приготовились вести огонь прямой наводкой с открытых позиций.

11–12 августа. Срок наступления прошел, а команды начинать не поступает. Живем в рощице, не подавая признаков жизни.

13 августа. Утром началось, наконец, наступление по прорыву западного фронта. Наш полк рвал линии через реку Истра на дер. Степаново. К исходу дня мы продвинулись на 5 км. Уничтожили три огневые точки противника (блиндажи) в дер. Степаново. Мы потеряли убитыми и ранеными 18 человек, была разбита одна пушка, одна лошадь убита, три ранены.

15–17 августа. Все время наступаем. Без сна, под проливным дождем. Попал под бомбежку авиации, а через 2 часа под дер. Моргуново — под обстрел противотанковой артиллерии. Снаряды рвались в 5–10 метрах. В течение ночи 18 августа потери полка составили: 27 человек убиты, 38 ранены.

22 августа стали в оборону. Дивизия обескровлена. Стояли в обороне до 30 августа. Сегодня должны наступать на дер. Холм. Наступление будет вестись без танков. Мы будем бить прямой наводкой.

Расстояние от противника — 200–250 метров. Он заметил нас и пехоту и начал обстреливать минометным огнем. Мы наступаем. Выпустили 68 снарядов, разбили три пулемета и одну землянку. Подошли танки, а пехоты не осталось. Получаем приказ сняться. Под носом противника вывезли пушку, а через 30 минут говорят: «Назад, на старое место...» Какое безрассудство!

4 сентября. Утром бомбили противника, но безрезультатно. Налет нашей штурмовой авиации был так силен, что забросали бомбами свою батарею. Как говорят, «боевая ошибка».

5 сентября. Готовились наступать, но в последнюю минуту отменили.

6–12 сентября. Находимся в обороне. Затишье. Редкая перестрелка. Занимаемся боевой подготовкой и укрепляем линию обороны.

13–22 сентября. Находимся в обороне. Было три случая ночных атак противника, бои шли с переменным успехом для обеих сторон.

28 сентября. Нами получен приказ передвинуться на правый фланг километров на 15, а наш участок займут 113-я и 5-я гвардейские дивизии, которые должны атаковать совхоз Скугарево, высоту 251 и дер. Холм.

Наши усилия по осуществлению этой задачи 1 и 2 сентября провалились. Может быть, гвардейцы сделают лучше.

1 октября. Двое суток передвигались в поисках удобного расположения огневых позиций, собирались занимать подходящую местность, но в 12 часов ночи получаем приказ возвратиться под совхоз Скугарево.

Здесь в течение этих двух дней 113-я и 5-я гвардейские дивизии вели бои, не увенчавшиеся успехом, — потеряли людей, пушки, а совхоз и высоту не взяли. Гвардейцев куда-то перебросили, а мы опять заняли оборону, где топчемся уже полтора месяца.

1–17 октября. По-прежнему занимаем оборону. Совершенствуем линию обороны укреплениями. Питание и снабжение хорошие. Видим, как страна напрягает все силы, все отдано армии для победы.

19 октября. Кончилась золотая осень, ушли теплые и нежные осенние дни. Сегодня началась самая отвратительная погода: сырость, грязь невылазная, а с 6 часов утра поднялся снежный буран.

25 ноября. Сегодня за долгое время стояния в обороне 2-й полк повел наступление с целью захватить у противника дер. Горки. Эта операция — прелюдия к широкому наступлению, разведка сил и системы обороны противника. Получаем еще 2 пушки, их теперь будет 4.

28 ноября. Получен приказ передвинуться из-под совхоза Скугарево на правый фланг, то есть к высоте 251 и деревням Холм и Горки. Будем наступать.

29 ноября — 5 декабря. Живем на новом месте. Перешли в шалаши на снег. Холодно. Идет усиленная подготовка к наступлению.

5 декабря. Приказом по войскам Западного фронта от 10.11.42 г. №050/К мне присвоено звание капитана, вместо батальонного комиссара.

6 декабря. Приказано наступление отложить на неопределенное время.

20 декабря. Сообщили, что наступление откладывается. Причина неизвестна.

1943 ГОД

31 декабря. Встретили еще один военный новый год. Прошедший был трудным, полным трагических ошибок и потерь, но постепенно дававший военный опыт и умение правильно разбираться и принимать верные решения. Поистине, на ошибках учились.

19–21 февраля. Почти два месяца наш полк не участвовал в боях. Держим оборону до новых распоряжений командования. Готовились наступать на широком фронте, но внезапно отложили. Техники совсем нет. В чем дело? Говорят, она на другом направлении фронта.

4 марта. Внезапно получили приказ начать преследование противника. Это было неожиданно, так как противник ведет убийственный огонь по линии нашей обороны. Мы несем ощутимые потери. Иду во 2-й батальон; да, с утра начинаем наступление. Подошли два полка 5-й гвардейской дивизии. Целый

день шел кровопролитный бой со взводом танков. Их наступление оказалось малоэффективно, через 20 минут 10 танков покинули поле боя.

5 марта. Наконец немцев сдвинули с обороны. Начинается их отход на запад. Двигаемся днем и ночью. Потери большие, в батальонах осталось по 50 человек. Много прекрасных командиров погибло: Билий, Силаев, Притула и много других.

12 марта. В 7 часов утра вошли в г. Вязьму. Я с одним сапером пошел через болото на станцию. Никого, всюду пустота и разрушение, все абсолютно взорвано и разрушено. Надеялись встретить немецких автоматчиков, их не оказалось. Появились из земли две женщины, сообщили, что в западной стороне города есть немцы. Начали подходить наша разведка и передовые части. В дер. Бозня мать с дочерью устроили мне на улице восторженную встречу со слезами. Потрясающее зрелище, я растроган.

Получен приказ отвести полк за 15 км в тыл на отдых. В 1-м батальоне осталось 40 человек, во 2-м — 50 человек, в 3-м — 12 человек. Спецподразделения более или менее сохранили свой личный состав.

Погибло много прекрасных ребят. Дорого нам обошлось наступление и взятие разрушенной Вязьмы!

13–25 марта. Двигаемся по тылам. Грязь, снег тает. Хожу в валенках, ноги с портянками не просыхают. Идет разговор о предоставлении нам небольшого отдыха. Было бы хорошо. Народ устал. Больше двух суток ни в одном пункте не задерживались. Переправились через р. Угру, остановились в сохранившейся деревушке Коротышево, только что приступили к отдыху, как получен приказ выступать. Двигаемся к фронту. Наша дивизия будет прорывать оборону.

27 марта. Усиленно готовимся и готовим людей к боям.

29 марта. Начался бой. Уничтожающий артиллерийский огонь по противнику в течение более часа. Пошли танки и пехота. Перевес на нашей стороне.

1–12 апреля. Перешли на оборону. Укрепляем свои рубежи, это гигантская работа. На открытом месте нужно отрыть огневые ячейки, соединить их траншеями, построить землянки для людей. Кругом сырость и грязь. Продукты подвозятся с трудом. С 5 по 8 апреля буквально голодали: 150 грамм сухарей на сутки, и это все. Противник ведет усиленную разведку, есть убитые и раненые, двух человек-«языков» утащил. Пришло пополнение — девятнадцатилетние юноши. Через 2–3 месяца обстреляются, будут храбрые солдаты, а пока что дети.

Сегодня проводили митинг по случаю преобразования нашей 110-й стрелковой дивизии в 84-ю Гвардейскую стрелковую дивизию. На митинге я

выступил с зажигательной речью. Горжусь, что я от ополченца-добровольца, пройдя через горы страданий, невзгод и ожесточенные бои, дошел в одном полку до гвардейца, и это непрерывно 22 месяца, в том числе 20 месяцев окопных боев. А скольких уже нет прекрасных, смелых и сильных людей, отдавших свои жизни делу защиты Родины.

13 апреля. Обнаружено преступление в батарее 76-миллиметровых орудий — командир батареи и его заместитель, оба члены ВКП(б), воровали питание — из НЗ были съедены порции колбасы, сахара, водки, и это в период, когда в распутицу бойцы голодали. Я немедленно провел через партбюро их исключение из партии.

16 апреля. Очередная неприятность — четыре минометчика сбежали в неизвестном направлении.

18–24 апреля. Получен приказ оттянуть нашу 84-ю гвардейскую дивизию в тыл. Готовимся к передаче оборонительных рубежей. В ночь на 25 апреля уходим. Идем ночью, отдыхаем и едим днем.

27 апреля. Отошли на 40 км в тыл. Идем по Смоленщине. Прошли множество разоренных и сожженных деревень. Люди питаются каким-то непонятным хлебным суррогатом. Дети истощены, обескровлены, слабы. Оставшиеся в живых старухи и дети копают лопатами огороды и сажают различную зелень. В одном-двух дворах сохранились по одной или паре кур.

28–29 апреля. Остановились в дер. Дроздово — бывшем центре партизанского движения. Долго и упорно вела борьбу с немцами горстка стойких патриотов и, наконец, была уничтожена или рассеяна превосходящими силами. Много рассказывали о их героических делах, самоотверженной борьбе и смерти.

Два дня полноценно отдыхали. Но в ночь на 30 апреля получен приказ сосредоточиваться на станции Волосто-Пятница для погрузки в вагоны. К исходу дня расположились в еловом лесу близ станции. Ждем погрузки. Канун Первого мая. Получаем подарки. Много вина и хорошего питания.

1 мая. Отдыхаем, выпиваем, кушаем. Есть пьяные, особенно среди командиров. Стыдно за таких людей. Так как в этом замешаны члены партии, разбираю дела и наказываю виновных.

2 мая. Командир трофейной команды Сморчков рассказал мне, что в 4 км на запад от станции Волосто-Пятница Вязьмо-Брянской железной дороги в густом лесу сосредоточено огромное количество техники, орудия крупного калибра, автомашины, повозки. Видел он скелеты людей и лошадей.

Чтобы лично убедиться в этом, я пошел со Сморчковым на место. В деревне Андрианы заночевали у колхозника-старика Викторова, который во время войны оставался в своем доме и рассказал нам о трагедии.

В октябре 1941 года в указанном районе, в диаметре 20–25 км в деревнях и густых лесах были окружены крупные силы Красной Армии. Окружение произошло 7 октября. В течение 5 суток шли ожесточенные бои с целью прорыва окружения. У дер. Панфилово красные части батальонами и частями ходили в штыковые атаки, но сосредоточенным пулеметно-минометным огнем их косило сотнями и тысячами.

Когда прекратился бой, рассказывает Викторов, немцы очень быстро направились дальше на восток, а местных жителей обязали хоронить убитых. Мы, говорит Викторов, хоронили наших бойцов с 15 октября до 15 декабря 1941 года, затем весной — с апреля 1942 года до глубокой осени, и все же до сих пор в лесах лежат сотни трупов.

3 мая в 6 часов утра идем на поля сражений, близ деревень Хотьково и Андрианы. Насчитываю до 12 взорванных орудий 150 мм, 20 сожженных и взорванных автомашин. Опустившиеся могилы, наскоро присыпанные землей, из которых обнажились черепа в касках и без них. Прошли по лесу километров 5–8 и под каждым кустом, деревьями — уже размытые щели, ровики, землянки, в которых лежат полуистлевшие трупы; многие были в шинелях с противогазами, кожаными подсумками, гранатами, и, как правило, все в касках. Это свидетельствует о том, что люди принадлежали к кадровым сильным частям РККА. Ближе к реке в окопчике разбитый станковый пулемет и вокруг скелеты людей, принадлежавших пулеметному расчету.

В густых кустах стояла сожженная санитарная автомашина, а в ней и вокруг нее истлевшие трупы и скелеты, разбросаны склянки с лекарствами, шины, костыли — свидетельство того, что здесь погибла санитарная часть со всеми ранеными. Найти документы о наличии этих погибших частей не удалось. По словам местных жителей, которые слышали от раненых командиров тех частей, здесь было окружено несколько армий, 3 или 4, значительная часть которых погибла; по некоторым данным, здесь была окружена 19-я Красная Армия. История в будущем должна точно установить истину этого трагического события Великой Отечественной войны.

9 мая. С большими предосторожностями на Волосто-Пятнице погрузились в эшелон из 49 вагонов и также осторожно двинулись в путь на Вязьму, оттуда повернули на станцию Темкино — достопамятный Угрюмовский разъезд, у которого наша оборона держалась свыше года. Здесь погибли сотни и тысячи наших бойцов, но и немцев много полегло. В районе Темкино имеется пять огромных кладбищ.

Двигаемся на Калугу, затем на Сухиничи, наконец поворачиваем на Белев. Не доезжая 20–25 км до Белева, ночью разгружаемся на ст. Карасевская. Днем отдыхаем, предстоит марш в 18 км. Слышим орудийную канонаду.

13 мая. Противник стягивает крупные силы и технику для широкого наступления с исходных позиций: Орел–Брянск в направлении Белев–Калуга через Козельск с целью прорыва на Москву и ее захвата.

Мы вошли в состав 16-й армии, находимся в ее резерве. Наше командование учло план противника и ведет также усиленную подготовку. По некоторым данным, только на нашем направлении в 16-й гвардейской дивизии имеется до 1000 «РС» («катюш»), огромное количество танков и артиллерии. Такого насыщения огня я еще не видел. Борьба ожидается кровопролитная и ожесточенная.

20 мая. Идет усиленная боевая подготовка, в условиях, приближенных к действительному бою, с участием танков и поддерживающих средств. Высшее командование говорит, что мы готовимся наступать в грандиозных масштабах. Этого нужно было ожидать.

5 июня. Проходили полевые тактические занятия в присутствии заместителя командующего 16-й армией генерал-майора В.С. Лопатина, который дал высокую оценку боевой выучке личного состава, вынес благодарность.

6 июня. У нас праздник — в торжественной обстановке было вручено гвардейское знамя. Мы дали клятву Родине и народу. Церемония происходила на лоне роскошной природы, в старом дворянском «гнезде» — имении князей Оболенских, что в 3 км юго-западнее г. Козельска. На торжества приехали московские гости, и среди них инициаторы создания нашей ополченческой дивизии, ныне гвардейской, — бывший секретарь Куйбышевского РК ВКП(б) тов. Шахова, зам. наркомфина СССР тов. Бодров.

12 июня. Получен приказ о переброске нашего полка из тыла на передовую. Местность просматривается и простреливается противником. Деревень нет, сожжены.

15–21 июня. Получен приказ удештерить бдительность, так как немец может пойти на каверзу в связи с двухлетием войны. Провели выборы полкового партбюро, я остаюсь парторгом.

5 июля. Сегодня двухлетие полка и моего в нем пребывания. Тогда в полку насчитывалось 2654 человека ополченцев-добровольцев, а к настоящему времени их осталось 53 человека, из них 18 человек представлены к правительственным наградам.

9 июля. Уже 3 дня живем и волнуемся военными событиями на Белгородском и Орлово-Курском направлениях — там уже 4 дня идут

ожесточенные бои. Наступление немцев пока успеха не имеет. Готовимся на своем участке нанести удар с целью отвлечь на себя силы противника.

Мы становимся вторым эшелоном, и наш полк в резерве корпуса. стало быть, достанется больше всех. В предстоящих боях впервые мы будем драться под гвардейским знаменем. Завтра, 10 июля, выдвигаемся на исходные рубежи.

12 июля. Заняли исходные рубежи против реки Вытебеть и деревень Ожигово и Перестряж. В 4 часа началась артподготовка. Участвовало не менее 500–800 орудий только на нашем участке, несколько полков орудий «РС» («катюш») и армия авиации («армия Громова»). Артподготовка длилась около двух часов. Десятки тысяч снарядов было выброшено на оборону противника. Затем двинулись танки.

К 16–17 часам мы вступили на оборону противника — фундаментально оборудованные траншеи и огневые точки. Всюду растерзанные трупы немцев. В землянках следы бегства и паники, разбросано имущество. На КП дивизии привели первую группу пленных — 48 человек, среди них трое раненых. Большинство напуганы, все — грязные, обезумевшие.

Двигаемся по пути отступления противника. Дороги заминированы, подводы и люди иногда подрываются, однако движение идет успешно. Потери относительно небольшие. Голая, без леса местность, пересеченная оврагами.

13 июля. Сидим в овраге на КП полка, в 400 м идет жестокий бой за дер. Речица. В атаку пошли танки, один запылал. Вскоре деревня была взята, захвачены склады с продовольствием и медикаментами.

К вечеру вошли в дер. Долгое. Противник сосредоточился за рекой, левее села-райцентра Ульяново. К темноте стянулся весь полк.

Подводим итоги двух дней: убито и ранено 21 человек. Вдруг наша землянка содрогнулась от мощного взрыва. Оказывается, немец ударил по 1-й стрелковой роте, которая проходила по оврагу, 15 человек выведены из строя.

14 июля. Во второй половине дня форсировали реку. С тов. Шимуком шли полем к реке, немец встретил нас огнем, мы быстро перебежали поле и скрылись в лесу. Начался воздушный бой. Несколько немецких самолетов сбито, на нас сыплется их лом. На парашютах раскачиваются летчики, их забирают в плен.

Наша задача — выдвинуться к дер. Уколица. Двигаемся лесом, ночью пересекаем дорогу. Вдруг на ней появляются две немецкие машины с солдатами, мы открываем огонь. Машины подбиты, фрицы бегут. Всю ночь ловим немцев.

15 июля. К 4 часам сосредоточились на опушке леса, что северо-западнее дер. Уколицы. Тишина. Вдруг к нам двигается машина. Открываем по ней массированный огонь. Машина остановилась. Взят в плен обервахмистр Волтер. Полтора часа он не говорил о местонахождении НП и батареи, наконец, сказал. Он ранен в двух местах, ему оказали помощь. В 6 часов противник нас обнаружил, открыл убийственный артиллерийский обстрел переднего края и нашего КП. Несем тяжелые потери, но почему-то бездействуем. Здесь мы потеряли до 10 человек командного состава.

Во второй половине дня приказано сняться и двинуться к дер. Сорокино. Противник пустил самоходную пушку и ею оборонял две деревни. Сжег 6 наших танков, но в последнюю минуту наш термитный снаряд покончил и с пушкой и с ее расчетом.

16 июля. В 3 часа входим в дер. Сорокино, а тем временем враг очистил дер. Уколица. Всюду трупы убитых, много раненых. Мы несем большие потери.

18 июля. Получили приказ начать усиленный марш в направлении города Волхов. На десятом километре пути встретили сопротивление. Вместе с тов. Шимуком попали в огневой мешок. Выбрались. Целый день ведем бой за деревню. Вторично попал в мешок артогня. Выбрался. Несем тяжелые потери. Деревню не взяли. Двигаемся к райцентру Знаменка.

19–20 июля. С уполномоченным контрразведки М.М. Шкуриным в ночь на 20 июля прошли 40 км. Ноги истерты и ноют. Зашли в деревню, которую два часа тому назад враг разбомбил. Мокрые зашли в разрушенный дом, старуха топит печь. Залезли на печь и проспали до утра. В 7 часов в дер. Красниково нашли наш полк; пробыв час, пошли искать тылы, чтобы поесть и отдохнуть. Начался артналет, враг не только сопротивляется, но и переходит в контратаки. Обстреливаются все наши дороги и глубокие тылы, но в воздухе наше господство.

21 июля. С утра разгорелся кровопролитный бой. Наша задача — взять Знаменку, а она еще в 12 км, куда противник упорно не хочет нас пускать.

22 июля. Получили задачу занять дер. Круглое Поле и наступать на дер. Верхняя Рыдань. Повели наступление, захватили деревню, но через час противник нас оттуда выбил. Несем большие потери, а пополнения нет, в батальонах осталась лишь половина необходимого состава.

23 июля. С утра наступаем на Верхнюю Рыдань, идут жестокие бои. Целый день находился на наблюдательном пункте командира полка. Вечером противник дал налет на нас. В двух метрах от меня разорвался снаряд, командир при этом сохранял полное спокойствие. Деревню не взяли.

24 июля. Передышка. Отдых. Люди измучены напряженными боями с 12 июля. Пополнения нет. Авиация наша по-прежнему господствует. Танки и

мотомехчасти — на правом и левом флангах. У нас, кроме артиллерии, ничего нет.

25 июля. Идут бои местного характера. Сидели у своей повозки, как вдруг в 50 метрах разорвался тяжелый снаряд. Мы залезли в щели. Начался обстрел. В одной щели лежим с агитатором полка тов. Шимуком. Снаряд ударился о дерево над нашей щелью. Воздушной волной меня ударило головой о землю. Вдруг крики. Оказывается осколком смертельно ранило М.М. Шкурина, с ним же тяжело ранило его помощника Конакова, а второй помощник Махович сидел с ними и остался невредим.

26 июля. Ведем бой за дер. Верхняя Рыдань. Противник ни за что не отдает ее. А это и понятно — в 5–6 км проходит основная магистраль Болохов–Знаменка–Карачев и далее Брянск. Немецкий пленный рассказывает о их колоссальных потерях: так, в 6-й роте осталось 5–6 человек, они бы давно сдались, но боятся офицеров.

27 июля. Отдыхаем. Держим оборону на окраине дер. Верхняя Рыдань. К исходу дня получили приказ 28 июля перебазироваться и наступать на высоту и дер. Пашково.

28 июля. В 4 часа после 15-минутной артподготовки пошли на высоту. Движение медленное. Противник отчаянно сопротивляется. Выдвинулись на высоту. Несем потери. К 16 часам было уже 30 человек раненых, сколько убитых — неизвестно. Пошли с Шимуком к минометчикам, вдруг просвистел снаряд и в 20 м от нас разорвался. Шимук стремительно бросился бежать назад, я кричу ему, чтобы остановился, но он продолжал бежать, по дороге его ранило — осколок угодил в мякоть руки. Я проводил его в медсанчасть, а затем в медсанбат.

Закрепились на высоте, но деревню не взяли. Левый сосед весь день ведет ожесточенный бой. До половины дня в воздухе господствуем мы, со второй половины — авиация противника. Бомбит немилосердно. Завязываются воздушные бои.

29 июля. Взяли наконец дер. Верхняя Рыдань и высоты против дер. Паньшино. Всюду распухшие и гниющие трупы людей — приметы недавних и давнишних боев.

30 июля. Дан приказ перебазироваться на 20 км вправо, в том же Знаменском районе. Направление — на Орел, с севера на юг. Запад у нас остается справа; значит, отсекаем немца, создаем нечто вроде кольца. Местность открытая. Авиация противника активизируется, бомбит.

31 июля. Пришли на место, заняли вторые эшелоны. Враг в 5 км за высотой. Мы сидим в низине дер. Кобылино. Впереди нас, на поле и в оврагах, — танковый корпус. Два раза авиация противника по 20–25 пикирующих

бомбардировщиков обрабатывала передний край и технику, было сброшено не менее 200–300 бомб. Потери значительные.

1 августа. Авиаразведка донесла о движении в нашу сторону 400 танков противника. Известие не из радостных.

2 августа. Сегодня проходил прием в партию. 17 достойных бойцов были приняты в члены ВКП(б), а за все время боев — 37 человек. Фронтная газета «За Родину» посвятила целый номер нашему полку. Оценка — полк воевал хорошо.

Передовые части сегодня наступали. Наша авиация бомбила передний край противника.

Нам дали передышку, который, по-видимому, продлится 2–3 дня. но отдыхать некогда, надо брать Орел.

3–4 августа. Отдыхаем в дер. Дерлово. Получили пополнение — 750 человек молодежи и бывших в боях бойцов. Придется вводить в бой сразу.

5 августа. На нашем участке предполагается нанести удар на ст. Хотынец (18 км) и ст. Карачев. Туда стягивается огромное количество техники — несколько полков «РС», артиллерия «РГК», корпус танков. Движение этой техники продолжалось с 20 часов 4 августа до 24 часов 5 августа. Противник, заметив это движение, бомбил нас сильно, группами до 20 самолетов, но неудачно.

6 августа. Бой начался против немецкой обороны, которую удалось прорвать, захватили крупный населенный пункт — ст. Ильинское.

За день продвинулись на 7–9 км. Во второй половине дня противник бомбил нас с целью задержать наше движение. Потери незначительные.

7 августа. Продолжались ожесточенные бои. Противник сосредоточил по неподвижным целям огонь из самоходных пушек. С 4 часов утра начались налеты авиации немцев. Целый день шла немилосердная бомбежка. Эшелоны самолетов от 20 до 40 не сходили с лазурного неба.

Здесь я понял, что такое массированные налеты. За целый день наши зенитки сбили только один «мессершмитт». Наши самолеты по одному либо небольшими группами появлялись в небе, но противодействовать противнику не могли. Буквально — наша техника выведена на расстрел.

За 7 августа погибло до 15 машин, а наших самолетов сбито 3. Одна многотерпеливая и многострадальная пехота выносит все.

8 августа. Продвинулись с утра на 4–5 км к ст. Хотынец, осталось 5 км. Необходимо перерезать железную дорогу у ст. Хотынец. С большими потерями, но упорно двигаемся вперед.

9 августа. Бомбежка противника несколько ослабла — видимо, нажали в другом месте. Бои идут за овладение господствующими высотами перед ст. Хотынец. Ожесточенность боя достигла наивысшего напряжения к 17 часам.

10 августа. В 5 часов вошли в поселок и ст. Хотынец. Противник отстреливается убийственно. Ведем бой за ряд деревень по большаку в направлении на Карачев.

11 августа. Ожесточенный бой за дер. Яковлевскую. С господствующих высот противник бьет артиллерией и из бронепоезда. Несем потери, но упорно наступаем.

12 августа. Противник ночью отошел, освободив ряд деревень на подступах к ст. Карачев. При отступлении немцы сжигают дотла все деревни, угоняют население, забирают скот. Готовимся к решительному натиску на Карачев. Пленный, взятый сегодня, показал, что на Карачев немец отвел 100 танков типа «Пантера». вероятно, хочет дать бой.

Командование фронта объявило благодарность дивизии за взятие ст. Хотынец.

13 августа. Шли ожесточенные бои за овладение Карачевым. Были введены в бой крупные силы артиллерии «РС», танки, авиация. К исходу дня, утомленные ожесточенностью боя, остались на исходных рубежах, не продвинувшись ни на один метр. Ночевали прямо в окопах.

14 августа. В 12 часов началась артподготовка, танки двинулись на высоту, пехота приготовилась к атаке. Противник из самоходной пушки сжег 9 наших танков. Атака захлебнулась. Несем потери. В полку осталось 147 стрелков.

15 августа. Утром вошли в г. Карачев — разграбленный, разрушенный, сожженный. В городе немного домов уцелело, в основном — руины. В 16 часов противник начал обстрел подступов к городу с запада, откуда двигались наши части. Затем огонь был перенесен по городу. Ночуем в немецких бомбоубежищах. Составили акт о зверствах немцев за 2 года их оккупации.

16 августа. Противник отошел от города на 10 км. Идем по его стопам. Он закрепился на господствующей высоте перед дер. Ольховкой. До Брянска осталось 32 км. Враг упорно сопротивляется.

17–19 августа. Приказали отвести с передовой дивизию и полк. Был митинг, на котором зачитывался приказ о героизме нашей 11-й ударной гвардейской армии. Велась съемка кинохроники. Теперь мы — гвардейцы и карачевцы, вот боевой рост дивизии от ополченческой до ударной гвардейской. За время последних боев приняли в партию 74 человека. Испытываю гордость, в этом частично и моя заслуга. Получили отдых, баню, хорошую пищу, что безусловно заслужили.

20–24 августа. Отдыхаем. Находимся в 7 км от г. Карачева и в 3 км от передовой. В наших условиях это уже тыл.

22 августа сообщили, что мы должны нанести удар немцам к югу от Брянска, перерезать железную дорогу Брянск–Киев и выйти на западный берег реки Десны. Цель прекрасная, но ее исполнение нелегкое.

Уже появляются немецкие бомбардировщики и громят передний край. Стало быть, противник боится нашего удара.

26 августа. С утра началась ожесточенная артподготовка, с целью улучшить наши позиции и потеснить противника к Брянску.

Целый день шел бой. Мы во втором эшелоне, поэтому являемся свидетелями событий, но не участниками. К исходу дня выяснилось, что упорные бои не увенчались успехом, только взяли человек 20 немцев в плен. Ждем пополнения, скоро начнем формироваться. Видимо, штурм Брянска не обойдется без нашей дивизии. Пока что работаем, отдыхаем, едим.

28–29 августа. Получили пополнение — свыше 300 человек, сержантский состав, в основном 1925 года рождения. Зеленые юнцы, дети-солдаты. При виде этих младших командиров я с грустью вспоминаю воинов 1941 года.

30 августа. Получен приказ передвинуться на левый фланг километров на 35. Идем день и ночь под дождем. Деревни все сожжены, народ ютится в землянках. Прекрасный урожай зерновых и огородных культур. к сожалению, война измяла посевы, но жители кое-как собирают, чтобы не умереть с голоду зимой.

1 сентября. Приказано дивизии занять оборону, расположились от противника в 500–600 метрах. Перед нами задача — сдвинуть врага до железной дороги Брянск–Киев, отрезав его.

Вчера и сегодня идет усиленная бомбежка противника. Один налет наших самолетов насчитывал 60 машин. Противник огрызается зенитной артиллерией, но безрезультатно. Едем принимать новое пополнение — юнцы, даже еще физически не окрепшие, не говоря уже о военном опыте.

2–4 сентября. Дер. Старые Рядовичи Орловской области. Вдалеке видны брянские леса, но там противник пока. Заняли боевой рубеж. Враг отчаянно сопротивляется, но его жмут со всех сторон. На юге— реальные успехи, освобождают Донбасс.

5 сентября. Передвинулись на 5 км на левый фланг, встали против дер. Хотеево, которую ночью взяли. Противник втянулся в лес. Еще две деревни впереди — и лес наш.

6 сентября. Бьемся за последнюю дер. Девичье, а дальше — лес.

Противник сжег все деревни, в том числе и эту, взорвал плотину и мост на реке, сжег водяную мельницу. Саперы начали сооружать переправу. Враг сосредоточил артиллерийско-минометный огонь, однако переправа была наведена и к исходу дня река форсирована.

Из леса противник ночью ведет ружейно-пулеметный огонь. Наши минометы заставили его замолчать.

Втянулись в лес, преследуя врага. Кругом огромные лесные массивы. Встретили группу немцев, приблизительно в 200 человек, вооруженных нашим оружием, — это оказались партизаны. За железной дорогой и станцией Навля партизан, оказывается, несколько тысяч. Своими диверсионными действиями они сильно вредят немцам, помогая Красной Армии.

7 сентября. Утром сосредоточились на реке Навля, строим переправы. Враг из дер. Святое бьет губительным огнем. Много людей выбывает из строя. Атакуем дер. Святое и входим в нее. все сожжено.

Вскоре враг контратакой выбил нас из деревни, до поздней ночи шел бой. Мы несли потери, но упорно шли вперед.

К 4 часам утра 8 сентября деревню взяли и продвинулись на 12 км вперед.

8 сентября. Закрепились на высоте, на другой высоте сидят немцы. Развернулся бой, в котором участвуют 1-й и 3-й стрелковые батальоны. В 17 часов на третий батальон немцы совершили четыре контратаки, их достойно встретили бойцы-юноши, подпуская на близкое расстояние. На правом фланге 7 наших танков атаковали крупные силы немцев и их обоз. Уничтожение было настолько сильное, что эту атаку можно назвать мясорубкой.

Противник подошел к реке Десне, и мы на его плечах тоже подошли к реке. На правом берегу реки, занятом противником, бесконечно идут обозы, войска и автомашины на запад. Мы установили пушки и бьем по правому берегу. Транспорт исчез.

10 сентября. Стоим в лесу. Противник — на правом высоком берегу. Мы ведем редкий артогонь. Обе стороны активности не проявляют.

11 сентября. Получен приказ продвинуться километров на 120.

12 сентября. Прodelали 40 км, двигаемся к Брянску.

13–26 сентября. За две недели прошли 300 км. Дороги войны! Какое трагическое зрелище являют сожженные деревни, опустошенные поля, истерзанная земля! Основная масса населения угнана в Германию, истреблена или изгнана с насиженных мест. Вереницы оборванных, изможденных и измученных войной людей двигаются к своим пепелищам— кто на лошадях, коровах, кто пешком, — везут повозки с жалким скарбом. Подходим к железнодорожным узлам Брянск-1 и Брянск-2, которые буквально стерты с лица земли; полотно и пути превращены в развалины. Несмотря на это, железнодорожный путь московской магистрали в 10 км от Брянска был восстановлен уже к 17 сентября. Сам город почти цел. Народ радостно нас встречает.

27 сентября. Стоим в дер. Житня, в 6 км от ст. Почеп. Три дня отдыхаем. Отдохнули прилично. Предстоит сделать 2–3 перехода — и вступаем в бой.

1 октября. Получен приказ двигаться в направлении Брянска, то есть назад, откуда пришли, а там — погрузка в вагоны, и куда ехать, пока неизвестно.

2–4 октября. Достигли предместий Брянска. Остановились в 4 км от города на правом живописном берегу реки Десны в селении Супонево, разместились полком по домам.

До 17 октября отдыхали в Супонево, а сегодня со станции Брянск-2 погрузились в вагоны для отправки под Великие Луки, в Торопец, куда перебрасывается вся наша 11-я гвардейская армия. Путь наш пройдет через Орел, Тулу и Москву.

26 октября. Стоим против Невеля, левее Великих Лук. Сюда двигается боевая техника в огромных количествах, я видел — только по одному шоссе двигался танковый корпус. Вероятно, образуем Прибалтийский фронт для освобождения Прибалтики и Ленинграда.

6 ноября. Канун великого праздника. Радостная весть: мы заняли Киев. Стоим на переднем крае, лицом к лицу с противником. Местность убийственная — сопки и лощины, страшно запутанная оборона. Стреляют обе стороны непрерывно.

7 ноября. Праздник. Было относительно спокойно. Встречали московских гостей, получили подарки, устроили угощение.

8 ноября. В течение двух недель занимали оборону, но вчера прошел слух, что мы должны отойти на другой участок — в тыл, примерно на 60 км.

23 ноября. Марш совершен в страшно тяжелых условиях. Грязь непролазная. Прошел обильный снег, а затем все растаяло в болотистой местности. В течение двух суток было пройдено 75 км. Заняли передний край обороны — это между Витебском и Невелем, здесь разместилась наша 11-я ударная армия. Будем рвать сильно укрепленную оборону противника в двух направлениях — одно на Витебск, другое на Полоцк. Распутица продолжает усиливаться. Машины, люди, орудия — все тонет в грязи. Стянуты огромные артиллерийские средства, а снарядов к ним поступает мало, все упирается в транспорт. То же и с питанием людей.

25 ноября. В политотделе дивизии проходило совещание в присутствии представителей 1-го Прибалтийского фронта и 36-го корпуса.

Поставлена очень серьезная задача — прорвать оборону противника, которую он крепко держит, так как в 8 км от его переднего края проходят две важнейшие коммуникации: шоссе Витебск–Псков и железная дорога Витебск–Ленинград. Предстоят упорные и кровопролитные бои.

3 декабря. Положение с подготовкой к наступлению резко изменилось не в нашу пользу. Мы занимаем открытую топкую пересеченную местность, просматриваемую противником. Он же занимает оборону впереди железной дороги и шоссе, в 500 м от них, а за ними идет огромный лесной массив. К тому же погода вконец испортилась — пошли дожди, мокрый снег, дороги развезло, непролазная грязь. На всех проселочных дорогах — завязшие в грязи сотни автомашин, тракторов, танков. Все остановилось. Люди, промокшие, уставшие, после восьмидесятикилометрового перехода не имеют сносного питания. Попытки на выюках обеспечить продовольствием 9000 человек дали незначительный эффект.

И вот принимается решение: 2000 человек снять с обороны и отправить в тыл за 50 км, чтобы на себе каждый принес по одному снаряду, мине и по 15–20 кг продовольствия. И вот эти полуголодные люди днем и в непроглядную тьму шли, увязая в грязи, тянули к фронту весь этот груз. Какие же нечеловеческие усилия и испытания должен преодолевать наш русский солдат! К тому же эти люди, как только установится погода, должны идти в наступление, уничтожать и гнать врага. Сегодня впервые за 10 дней подморозило. Надолго ли? Нет ни одного солдата, который бы не желал крепких морозов, хотя от них он будет страдать.

12 декабря. Погода устоялась. Мороз минус 3–5 градусов. Сегодня получили Красное Знамя Верховного Совета, до вечера отдыхали. Вечером пришли работники из корпуса и дивизии и сообщили о начале наступления завтра утром. Что даст нам завтра? Перед нами важнейшие коммуникации немцев

— шоссе и железная дорога, их нужно взять. Вероятно, это будет сделано, но какой ценой?!

13 декабря. В 9 часов утра началась всеокрушающая артподготовка. Сплошное море огня, огромные облака дыма. Горизонт заволочено сплошной пеленой дыма. Этот ужасный огонь непрерывно длился 2 часа. Казалось, что на этой несчастной земле, на которую обрушились тонны металла, нет места ничему живому. В этот день мы продвинулись на 4 км. Враг яростно отбивался из пулеметов и артиллерии. Непонятно, как могли немцы сохраниться при таком огне.

14 декабря. Продвинулись еще на 2 км, взяли шоссе. Первая задача выполнена. Враг засыпает нас из минометов и дальнобойной артиллерии, самоходных пушек — «фердинандов». Наши люди выбывают десятками.

15 декабря. Наконец перерезали не только шоссе, но и железную дорогу. Враг бежит, оставляя целые деревни.

17 декабря. Наша задача взять Витебск, ближайшая задача — г. Городок, до которого осталось 20 км. Ведем бой за дер. Порядки. Противник вывел несколько орудий на прямую наводку. Кругом изуродованные трупы бойцов. Картина ужасная.

Продвинулись еще на 7 км. Входим в леса. Попадаются мирные жители, плетущиеся к своим очагам.

18 декабря. Прошли почти маршем 5 км. Входим в леса. Господствующая высота у немцев.

19 декабря. Ведем бой с 6 часов утра. Подтягивается артиллерия. Бои кровопролитные, но безрезультатные. У нас в полку один батальон вместо трех, в батальоне 175 человек вместо 1500. Вот во что обходится наступление! В течение дня провели три атаки с мощной артиллерийской подготовкой. Враг гибнет, но сидит упрямно. Никаких результатов. Завтра будем наступать. Командующий фронтом Баграмян объявил благодарность дивизии и ее командиру генерал-майору Петеру. А во что обошлась эта благодарность?..

20–21 декабря. Двигаемся дальше по направлению к г. Городок. Враг отступает, бросает оружие, боеприпасы. Во второй половине дня отвели всю дивизию во второй эшелон отдохнуть — очевидно, на ночь.

22–24 декабря. Бьемся два дня, и все безрезультатно. От Городка — в 9 км. Мы ежедневно атакуем противника колоссальными артиллерийскими налетами, но враг все же сидит в траншеях и не уходит.

24–31 декабря. Трое суток вели ожесточенные бои. Противник упорно сопротивлялся, но сбит с занимаемых рубежей, благодаря тому, что правофланговая 4-я ударная армия взяла г. Городок. Идем по полям, над которыми только что прогремели артиллерийские снаряды. Всюду трупы наших бойцов и командиров, у немецкой обороны — их солдаты и офицеры. Неисчислимы страдания испытывают местные жители. Запомнился эпизод, когда в дом, где остановилась наша политчасть, пришло трое детей 11, 7 и 5 лет. Они пришли из леса, их родители погибли, а они долго шли, надеясь встретить своих. Полуобмороженные, голодные, очутившись в тепле, упали на нары и заснули мертвым сном, во сне бредили от пережитых ужасов.

Прошли еще 12 км, до Витебска осталось 30 км. Противник по мере нашего продвижения усиливает сопротивление.

1944 ГОД

1 января. Вот наступил очередной новый военный год. Всю новогоднюю ночь шли маршем. Прошли 18 км. Передвинулись на правый фланг за г. Городок. Подошли к шоссе Сиротино–Витебск.

В ночь с 1 на 2 января наш полк двинулся на передовую, перерезав шоссе Сиротино–Витебск. Подтянулись к дер. Ермачки, за которой находились исходные рубежи нашего полка для наступления. В эту ночь при подходе к деревне противник обстрелял наш полк. Потери большие.

Утром 2 января мы начали наступление. Противник яростно сопротивлялся, мы не продвинулись ни на один метр.

Когда наше наступление захлебнулось, немцы перешли в контрнаступление и оттеснили нас к оврагу за дер. Ермачки. Мы понесли большие потери. Самоходная пушка врага зажигательными снарядами сожгла деревню. В огне погибло много раненых, которых не успели эвакуировать. Артиллерия немцев поражала наши резервы и наши артиллерийские позиции.

7 января была предпринята вторая контратака немцев. Она также принесла нам огромные потери, но и немцы оставили на поле боя 13 подбитых танков и гору трупов.

За два дня контратак, предпринятых немцами, мы потеряли только убитыми 400 человек и около 700 раненых. Потери ужасные. Это самые тяжелые бои, какие только я пережил. Как много крови и жизней стоят нам эти 12 дней начала нового года, принесшие нам большие военные разочарования.

Факт оттеснения нашего полка (3 января) за дер. Ермачки всполюшил начальство из 4-й ударной армии, которой мы обеспечили 30 декабря овладение г. Городком. Приехал подполковник из этой армии, ведавший отделом партработы в Политуправлении, он получил лживую информацию о

положении дел на фронте. Составили дело, началось разбирательство искаженных фактов. Пришлось доказывать свою невиновность, непричастность к тому, в чем нас обвиняли. Дополнительная нервотрепка.

13 января. Изрядно потрепанный полк и дивизию отвели не на отдых, а на формирование — оснащение боевой техникой и людским составом. Живем в витебских лесах в 10 км от переднего края. Такая относительно спокойная жизнь продолжается до 1 февраля.

1 февраля. Получен приказ выдвинуться к шоссе Сиротино–Витебск под дер. Матрацы для нанесения удара в направлении г. Витебска, для последующего овладения этим городом.

Утром 2 февраля на немецкую оборону обрушилась гигантская лавина нашего артиллерийского огня по фронту в 10–12 км. Горизонт сделался черным от дыма. Артподготовка продолжалась 1 час 40 минут, после этого пехота тремя эшелонами поднялась и пошла вперед.

Противник слабо сопротивлялся. Через час мы быстро преодолели 5 км, заняв дер. Городище, и продолжали дальнейшее движение.

Сила артогня была настолько велика, что круглая роща в диаметре 0,5 км, где проходила вторая линия немецкой обороны, в основном была уничтожена. Многолетние сосны сносились с корнем, через каждые 3–4 м зияли огромные воронки, а поле за этой рощей буквально было вспахано снарядами. Всюду валялись обезображенные трупы немцев. Первые 5 км противник бежал в безумной панике, бросая оружие, в том числе два самоходных орудия, много складов с военным имуществом. Но затем начал усиливать сопротивление, и на 8 км за дер. Новоселки, близ шоссе, на юго-западном берегу реки, укрепился, успел оправиться, подтянул резервы и артиллерию, ежедневно бросая на нас авиацию, окончательно остановил наше наступление.

От этих мест до Витебска оставалось 12 км.

Отчаянные наши попытки прорвать здесь оборону не увенчались успехом, гвардейцы начали выдыхаться и численно быстро редеть. Враг буквально засыпал нас снарядами.

6 февраля. Находясь на КП под дер. Ворошилы, я готовился ночью провести партийную работу. Почти рядом находились три землянки, в средней из которых был я с фотографом политотдела.

Приблизительно в 1 час ночи противник сделал налет на наше расположение. от разрывов снарядов наша землянка дрожала, земля сыпалась с потолка и стен. Затем эти налеты начались через каждые 20 минут вплоть до 8 часов утра. В один из налетов снаряд крупного калибра попал в крышу соседней

землянки, в которой находился штаб артиллерийского дивизиона в количестве 30 человек. Землянка была разворочена взрывом, из этих людей невредимым выполз начальник штаба и семеро красноармейцев, тяжело раненных, остальные были погребены под развалинами.

Итак, эти бесплодные бои, обескровившие полк, продолжались до 8 февраля.

8 февраля. Дивизию отвели на исходные рубежи за дер. Матрацы для приведения себя в порядок и пополнения людьми, так как в полку еле насчитывалось 100 человек.

В этих боях мы также потеряли много прекрасных командиров и бойцов. А живые несли невыносимо тяжелый военный труд.

Бойцы, находясь несколько дней под ожесточенным огнем, не получали горячей пищи. Затем беспрестанный холодный дождь, а ночью заморозки до такой степени издегали и измучили людей, что многие впадали в апатию, ни на что не реагировали, все было им безразлично. Затем начались массовые заболевания и выбытие людей из строя. На передней линии боец обогреться не может — он лежит в маленьком земляном или снежном ровике несколько суток подряд, грязный, обросший, с воспаленными глазами, в замерзшей шинели, которая днем намокает от дождя, а ночью замерзает, в замерзших валенках-колодках. Каждый, кто бы увидел такого защитника Родины, сказал: «Да, это великий мученик, переносящий нечеловеческие страдания». Только здесь, в этих условиях, можно увидеть воочию весь ужас мучений и страданий человека, огромное напряжение сил и нервов его, только здесь можно со всей силой проклясть навязанную нам войну.

До 20 февраля продолжалась передышка в лесу.

20 февраля. Получен приказ перебросить всю 11-ю гвардейскую армию, а следовательно, и нашу дивизию на северо-восток к г. Невель.

Пешком мы проделали 120 км, по местам недавних боев, по шоссе Невель—Городок. Деревни в основном сожжены. Мороз крепкий, согреться негде. Люди страдают от холода и утомления.

К 29 февраля сосредоточились у дер. Обитель Юрьево для нанесения удара и прорыва обороны немцев с выходом к железной дороге и шоссе Идрица—Витебск, либо Идрица—Пустошки—Новосокольники—Великие Луки. Местность холмистая и болотистая, неудобная для наступления, но выгодная для обороны.

1 марта. В 10 часов утра началась артподготовка, которая продолжалась около двух часов. Полк построен в три эшелона побатальонно. Как только пехота поднялась в атаку, противник открыл бешеный артиллерийский огонь, сопровождавшийся непрерывными контратаками.

Движение нашей пехоты приостановилось.

Полк не сдвинул противника ни на шаг, а наоборот, плотностью своего артиллерийского огня он наносил нам огромные потери, даже тогда, когда мы прекратили наступление, а также нашим тылам на глубину до 5 км. Итак, и это наше наступление захлебнулось. Оно продолжалось до 6 марта. Я считаю причиной наших неудач слабость, а попросту никудышность нашей артиллерийской разведки. Мы не смогли изучить систему огня и огневые точки противника. Вот почему после двух часов артподготовки мы не смогли подавить его артиллерию, которая преградила путь к наступлению.

7 марта. Получен приказ бросить дивизию на правый фланг от этого участка. Расположились в лесу у дер. Ломоносово. Получили пополнение людьми — два раза по 90 человек.

10 марта. Началось наступление соседних гвардейских дивизий, мы же должны бы были развивать успех после прорыва немецкой обороны. К середине дня впереди стоящие дивизии прорвали оборону, вошли в «мешок» на 5–7 км вглубь и остановились, так как противник оказал сильное сопротивление артогнем и контратаками.

11 марта мы вступили в бой, но у нас ничего не вышло.

16 марта. Началась подготовка к грандиозному наступлению с участием танкового корпуса. Была подтянута артиллерия. Задача состояла в прорыве «мешка», отсечении железной дороги Идрица–Пустошка, для чего необходимо совершить 8-километровый путь.

Перед началом наступления в полк приезжал командующий фронтом генерал армии Баграмян. Казалось, все было продумано и взвешено.

17 марта в 10 часов утра началась необычайной силы артподготовка. Тысячи тонн металла в течение двух часов были обрушены на переднюю и глубокую оборону немцев. После этого пошли танки и совсем слабо стала двигаться пехота. Наш полк поддерживал батальон из 18 танков. В начале атаки из этого количества было подожжено 7 наших танков, остальные повернули обратно. Пехота, пройдя 300–400 метров, залегла из-за сильного огня противника. Затем пехота вернулась на свои исходные позиции. Противник усилил огонь, и наступление сорвалось, принеся нам огромные потери. В первом стрелковом батальоне на 19 марта осталось 12 стрелков, во втором — 10, а в третьем — 16 человек. То же и в других полках дивизии. Дивизия потрепана и небоеспособна. Причина та же: нет надежной разведки вообще и артиллерийской в частности. От рядового солдата и, думаю, до командующего фронтом все подавлены этими неудачами.

22 марта дивизию отводят на 20 км от переднего края для переформирования.

4 апреля. Сегодня получен приказ о перебазировании дивизии с выходом на Ленинградское шоссе. Предстоит движение пешим порядком. Итак, мы простояли 15 дней в 20 км от передовой. За это время хорошо поработали, сносно отдохнули, вернее отоспались.

Передислоцируемся в сосновые леса у Ленинградского шоссе Невель—Пустошка в 30–35 км от фронта.

5–6 апреля. В течение двух дней обустроивали образцовый лагерь: вырыли в земле целые казармы на 100–120 человек. Впервые за 7 месяцев лег спать в белье.

8 апреля. Налаживается нормальная боевая подготовка. Получаем довольно приличное пополнение, в основном из тыловых запасных полков. Прибыло новое вооружение, — винтовки со штыками, новые орудия, вводятся новые виды вооружения. Стрелковые подразделения усиливаются пулеметами последней разработки. Наша задача будет состоять в том, чтобы морально укрепить солдат и офицеров и нацелить их на более грандиозные задачи по разгрому врага.

В течение апреля вступило в ряды партии 55 человек. Теперь моя парторганизация насчитывает 344 коммуниста. Это, безусловно, успех.

1 мая. Парад войск 84-й гвардейской стрелковой дивизии. На живописной поляне, окруженной могучими соснами, выстроились полки дивизии и ее специальные подразделения. Офицеры и красноармейцы в парадных костюмах и летнем праздничном обмундировании представляют собой прекрасное зрелище. У всех приподнятое настроение. В 11 часов дня появляется машина с командиром дивизии генерал-майором Петерсом. Генерал здоровается с частями. Через 40 минут появляется машина, и к площади подъезжает командующий 11-й гвардейской армией генерал-лейтенант Галицкий, прославленный герой начала войны. Он из числа немногих героев, который выводил свою дивизию от Бреста до Смоленска, при этом 45 дней находясь в тылах противника. Генерал Галицкий обходит выстроившиеся части, здоровается и поздравляет с праздником. Гремят два оркестра. Затем перед трибуной проходят полки церемониальным маршем. Целый день выступали артисты, демонстрировались кинофильмы. Раздали американские часы-подарки, одни вручили и мне. У меня радость — мне разрешили двадцатидневный отпуск в Москву. какое счастье, почти нереальное, увидеть так скоро близких.

1 июня. Возвращаюсь в часть после отпуска, отыскал ее в районе Рудня—Орша. Друзья восторженно меня встретили. Приступаю к исполнению своих обязанностей.

10 июня. Закончили движение, остановились недалеко от передовой, в 40–45 км от Орши.

Сообщили об открытии второго фронта союзниками на западе. Успехи десантных войск на севере Франции и Италии вселяют надежду на благоприятный исход предстоящих наших летних наступлений.

13 июня. На нашем участке обороняется немецкая усиленная штурмовая 78-я пехотная дивизия. Оборона представляет собой глубоко эшелонированную сложную и сильную систему траншей, дзотов и опорных пунктов. Личный состав чрезвычайно стойкий — значительная часть «СС». Плацдарм, с которого мы предполагаем нанести удар, чрезвычайно невыгоден — хотя и пересеченная, но абсолютно открытая местность. Несмотря на это, предполагается сосредоточение такого огня и в течение такого времени, который разрушит все хитроумные сооружения немцев. Предвижу, что это будет невиданное сражение.

18 июня. Получили приказ выдвигаться на передний край. А в лесу, за 25 км от передовой, рассредоточиваются около пяти гвардейских дивизий, которые завтра должны заменить обыкновенные части, уже стоящие на обороне.

20 июня. Открытая, но пересеченная местность — ни деревень, ни полев. Это в 28 км северо-восточнее г. Орша и в 2 км правее магистрали Москва–Минск. Здесь начиная с января этого года Западный фронт трижды предпринимал наступление, не увенчавшееся положительным результатом, а потери фронта составили 100 тысяч человек (!). Вот на это гиблое место, место смерти, мы, в составе 11-й гвардейской армии, выдвинулись для осуществления четвертого прорыва, более грандиозного, чем предыдущие, и который должен принести успех.

21–22 июня. Днем ни души, никакого движения, как на обороне немцев, так и у нас. Все зарыто в землю. Но с наступлением темноты и до рассвета движутся бесконечные потоки вооруженных, запыленных людей, растекающихся по складкам местности, траншеям, подходя к самому переднему краю. Стоит несмолкаемый гул моторов, ползут танки, самоходные орудия, подтаскиваются артиллерийские средства, минометы, в том числе «РС» («катюши») и т.д.

В ночь на 23 июня к переднему краю подошли танки. Все приготовления закончены.

Прорыв намечен по фронту, протяженностью в 6 км. На каждом километре прорыва в первом эшелоне было установлено 350 орудий, следовательно, по всему фронту — 2100 орудий. На прямой наводке стояло до 100 орудий на километр, то есть 600 орудий калибра от 45 до 203 мм. При этом каждый пехотный полк поддерживало не менее одного полка минометов 120 мм и одного дивизиона «катюш» («РС») и т.д.

К 4 часам утра 23 июня к переднему краю был пододвинут танковый корпус, не менее 600 машин. Еще к этому нужно прибавить, что прорыв поддерживало 1000 самолетов — наших и американских.

Такие вот грандиозные средства истребления человека были сосредоточены на этом узком клочке земли.

23 июня. Ровно в 5 часов воздух, земля и все живое вздрогнуло от исполинского выстрела не менее 300 орудий разных калибров, затем в канонаду вступали все новые и новые сотни орудий, и, наконец, все покрылось мраком. Горизонт затянуло дымом, небо померкло. И вот через 30 минут дали залпы сверхмощные минометы и «катюши». Этот ад продолжался 3 часа. На стороне противника в это время был виден сплошной огонь, земля горела пламенем. Казалось, что там не осталось ничего живого, что все должны были погибнуть. К 9 часам утра наша пехота поднялась в полный рост и пошла в атаку, и, как ни странно, враг огрызнулся из тяжелой артиллерии, а когда пехота приблизилась к траншеям противника, она была встречена снайперским и пулеметным огнем. Откуда взялись эти снайперы? Как уцелели?..

В результате, к исходу дня 23 июня наша пехота продвинулась на 2 км. Ночью 24 июня был сделан еще бросок, и противник побежал. Началось мощное преследование врага. К 24 июня, за одни сутки мы потеряли не менее половины личного состава. Такова цена нашего успеха.

Утром 24 июня мы с представителями политотдела двинулись вперед преследовать врага. Прошли нейтральное поле, которое сплошь было усеяно трупами наших бойцов еще с зимнего наступления. Страшная картина истребления людей. Каждый метр земли перепутан колючей проволокой и заминирован. Вышли на шоссе, пересекающую магистраль Москва–Минск. Здесь у противника сплошные блиндажи и трупы немцев, вчера погибших. По магистрали наблюдается невероятное движение нашей техники, устремившейся на запад через горловину прорыва, которую вчера мы осуществили ценой огромных жертв. На полной скорости движутся танки с десантами, за ними — орудия всех калибров на механической тяге, за ними — «катюши», военные машины всех рангов, и их не тысячи, а десятки тысяч. Враг делает бесплодные попытки артобстрелом магистрали остановить это гигантское движение армии. Могучие потоки все сметают на своем пути. Враг в панике.

Ночью немецкие самолеты-одиночки бомбили движение пехоты по всем дорогам. Мы всю ночь шли, к утру сосредоточились в дер. Соловьи.

25 июня. В деревню и около нее вошли две дивизии, противник дал возможность втянуться всем и открыл по нам ураганный огонь из «фердинандов». Мы понесли чувствительные потери.

К 11 часам утра получили приказ передвинуть дивизию на правый фланг по магистрали Москва–Минск.

26 июня. Мы полностью овладели городом Орша. Было взято много пленных, огромные материальные ценности, в том числе один эшелон с лошадьми. Много было выловлено предателей и изменников Родины. В ночь на 27 июня двинулись на запад с целью преследования врага, но его не оказалось. На рассвете верхом на лошадях въехали на железнодорожную ст. Кохановка. Всюду следы прошедшей военной операции: до 50 немцев валяются в пыли мертвые, разрушены и взорваны склады, на железнодорожных путях стоят 10 составов вагонов, груженных техникой, один состав гружен авиационными бомбами весом до 3 т каждая и т.д. Юго-западнее станции остановились на трехчасовой отдых, затем выехали на магистраль Москва–Минск.

27 июня. Двигаемся далее на запад, но противника не встречаем. Он стремительно откатывается.

Наблюдаем страшную картину. На протяжении 20 км магистраль Москва–Минск устлана трупами немцев, лошадей, разбитыми автомашинами, орудиями — все это прямой наводкой нашей артиллерии разносилось в клочья, но самое истребительное действие оказывала наша авиация. Три дивизии со штабами, офицерами и генералами разбежались от магистрали по лесам, и когда мы вторыми эшелонами продвигались по магистрали, к нам из леса выходили сотни немцев и сдавались, но на них никто не обращал внимания, им просто давалось направление на восток и они толпами двигались дальше, унылые и подавленные.

28 июня. Двигаемся с неослабевающим темпом на запад. Господствуем на земле и в воздухе. Магистраль наша. Могучие потоки машин и техники неудержимой лавой идут вперед.

Подходим к районному центру г.Бобруйску.

29 июня. Подошли к г. Борисову. Его только что взяли наши войска. Все горит и взрывается. Взорван и гигантский мост через р. Березину. Переправлялись с помощью подручных средств, выдержав при этом необходимые для второго эшелона при его движении заданные 35 км.

30 июня — 5 июля. Продвигаемся по-прежнему в неослабевающем темпе. У Логайска произошла встреча с партизанами, их очень много. Полчаса провели в дружеской беседе. Командир отряда подарил мне хорошую лошадь с седлом, теперь я совершаю марш верхом на лошади.

Наши войска взяли Минск. Подходим к старым границам, то есть границам 1939 года. Население встречает нас восторженно, как избавителей. Во второй

половине дня 5 июля получили изменение маршрута — будем двигаться на Молодечно, где предполагается встреча с противником.

6 июля. У Молодечно противник оказал слабое сопротивление. Мы вошли в полусожженный город, это важнейший железнодорожный узел, к счастью, в основном сохранившийся. Интендантские склады сожжены, много хороших продуктов погибло, но бойцы стараются что-то извлечь из пожарищ.

7 июля. Мы уже второй день идем по территории Польши, проделали 35 км, предстоит проделать столько же. Люди стоически переносят трудности наступательного марша. В одном из хуторов по пути нам рассказали жители, что вчера арьергарды немцев собрали из окружающих хуторов 18 парней и расстреляли их за то, что они могут попасть в Красную Армию. Какая нечеловеческая подлость и варварство!

8 июля. Проделали опять 40 км, находимся в 50 км от Вильно. население в основном поляки, смотрят на нас непонимающе, кругом бедность и беспросветная темнота. Замечены случаи произвола и мародерства.

Сегодня командир полка созвал совещание офицерского состава и призвал самым решительным образом пресекать мародерство, за что будет следовать строгое наказание.

9 июля. Сегодня мы проделали не 45 км, как предполагалось, а 63, это рекордный марш, а по существу, просто безумие. Люди и лошади падают от изнеможения. Подходим к Вильно и Лиде, окружаем и уничтожаем мелкие группировки немцев. Местные жители, в основном поляки, встречают внешне радостно, но мы ведем себя недостойно, продолжаются случаи мародерства, и не потому, что кушать нечего, а из-за комплекса победителя.

В одном крупном населенном пункте Виленской области отдыхали в имении родовитого помещика Богушинского, который сбежал, бросив все свое имущество. Отдых был короток, и снова в путь.

10 июля. Преодолели сопротивление небольшой группы противника, потеряв при этом 11 человек ранеными. Двинулись дальше, проделав к исходу дня 30 км, при этом форсировали две небольшие речушки.

11–15 июля. Двигаемся по 35 км в день, вошли в Литовскую ССР. Население зажиточно, настроено враждебно.

Организовали штурмовой батальон по форсированию Немана, который от нас в 45 км. Нас начинают бомбить самолеты противника, но на земле он оказывает слабое сопротивление. Литовцы распускают слухи о том, что немцы хотят заманить нас в грандиозный «мешок». Мы настораживаемся, у нас мало боеприпасов, их не подвозят, коммуникации растянуты. Мучительно и тяжело было, когда мы стояли под Москвой; еще более

мучительно и опасно, когда мы сегодня находимся в 60 км от границ Восточной Пруссии.

Сегодня, 15 июля, в двух местах форсировали Неман. Утром немецкие пикировщики разбомбили переправы. Опять налаживаем штурмовой батальон. Уже за рекой заняли две деревни.

16–17 июля. Взяли районный центр Литовской ССР Алитус. Немец начинает усиливать сопротивление. Население относится враждебно, и есть за что: продолжается мародерство, на приказ командиров не обращают внимания.

18–19 июля. Наш полк в числе первых форсировал Неман, многих участников этой операции представили к званию Героя Советского Союза.

Вот она, могучая и красивая река Неман! Сколько значительных исторических событий совершалось на ее берегах, сама седая история России и Литвы перед нами.

Противник бомбит переправы, несем потери. Под бомбежками переправились на западный берег реки. Усилили зенитный огонь, которого немецкие самолеты боятся.

20 июля. Ведем упорные и тяжелые бои. Противник в 6 км от берега закрепился и дальше нас не пускает. Мы потеряли почти весь личный состав, с которым вышли из-под Орши. Получили пополнение, наспех мобилизованных мужчин из освобожденных районов, трусливое и не обстрелянное воинство — от выстрела или шума бегут как зайцы.

21–24 июля. Составлял отчет за прошедший месяц боев: из 395 членов и кандидатов партии потеряли ранеными и убитыми около 200 человек. Таких потерь полк еще не видел, но эти жертвы окупались очищением родной земли.

Роем траншеи, окопы — полк перешел к обороне. Передышка перед новой волной наступления.

25–27 июля. Занимаем прежние рубежи. Противник сопротивляется. Мы удерживаем плацдарм на западном берегу Немана.

27–28 июля. Нас отвели во второй эшелон. Сегодня, 27 июля, Красная Армия, громя фашистскую армию, освободила Белосток, Львов, Станислав, Нарву, Двинск.

Я сегодня получил орден Отечественной войны 1-й степени и медаль «За оборону Москвы».

29–31 июля. Выдвинулись во второй эшелон на левый фланг у дер. Мирослав. Двигаемся усиленными маршами; авиация противника бомбит

переправы на Немане далеко у нас в тылу. 16-я дивизия сдвинула немца, и он покати́лся к своим границам.

1 августа взят Каунас. Мы от границы в 15 км.

2–3 августа. Вели переменные наступательные бои. Взяли двух пленных — немец и поляк. Солдаты воевать не хотят. Мы от границы в 10 км.

4 августа. Наступали. Вели тяжелые бои. Противник укрепился на возвышенностях, а мы наступаем с низменностей. Косоприцельный и фланговый огонь режет наши ряды. В ротах по 15–18 человек.

К 15 часам 3-й батальон потерял весь свой командный состав, был атакован тремя немецкими танками; противотанковых средств у нас не было. И вот случилось то, что случилось — малоустойчивые бойцы из нового пополнения, еще не обстрелянные, начали отходить под воздействием пулеметно-пушечного огня противника, а затем один батальон побежал. Мы, парторг 3-го батальона, комсорг и я, останавливали людей и водворяли на место. Через час положение было восстановлено.

5 августа. Генерал, командир дивизии дал шифровку Военному Совету 11-й армии, чтобы меня и зам. командира полка по политчасти Богача снять с работы, разжаловать и отправить рядовыми в штрафную роту из-за того, что не обеспечили высокий наступательный дух солдат и допустили отход батальона с занимаемых рубежей, то есть уход с поля боя.

7 августа. Прибыла комиссия из политотдела 11-й армии для расследования фактов, изложенных в шифровке. В результате — дело на меня передать в ДПК, дивизионный партийный контроль, для привлечения меня к партийной ответственности за то, что сразу, в партийном порядке, не реагировал на произошедший отход батальона с исходных рубежей.

8–11 августа. Занимаем оборону в 12 км западнее г. Кальвария. Враг присмирел, ведет редкую артиллерийскую стрельбу. Лежим на высотах, с которых ведем наблюдение за действиями противника.

12 августа. Снялись с занимаемых рубежей. мы оттянуты в тыл на 5 км для формирования.

13 августа. Я и Богач вызваны в политотдел 11-й гвардейской армии для личного объяснения с полковником Романовым. Он сказал следующее: «Ваш генерал отказался от своего предложения о снятии вас с работы, он хотел, чтобы мы вас только пожурили». Этим дело и кончилось, а нервов потрепали достаточно.

23 августа. Нам дали большой срок до 10 октября для тщательной боевой подготовки. После чего, обученные и отдохнувшие, начнем наступать. Будем усиленно готовиться.

25 августа — 1 сентября. Получены директивы о том, что наш учебный процесс увеличивается еще на один месяц, то есть до 10 октября. Усиленно готовим людей к боям. Ежедневная учеба в поле, приближенная к боевым условиям, — тактика стрельбы, изучение материальной части оружия, политическая подготовка.

2–4 сентября. Проводились показательные учения 1-го стрелкового батальона с боевыми стрельбами. Присутствовал командир дивизии генерал Петерс. Отмечены недостатки, но в целом подготовка идет удовлетворительно.

7–20 сентября. Ничего существенного не произошло. Упорно занимались боевой подготовкой. За годы войны мы научились распознавать приближающееся время наступления врага. Со страниц газет не сходят статьи об отваге, мужестве и умении советской гвардии вести истребительную войну. Нужно полагать, что вскоре мы тоже вступим в дело, но когда и где, в каком направлении?..

24 сентября. Проходят бесконечные тактические занятия, начиная от отработки боя одиночного бойца, до наступления батальона на сильно укрепленную оборону противника. Все это сопровождается артиллерийским минометно-пулеметным и ружейным огнем. Следует заметить, что учеба дала свои положительные результаты.

6 октября. Сегодня были генеральные занятия по теме: «Батальон в наступлении на сильно укрепленные рубежи противника».

Участвовала артиллерия самоходная и колесная, много было оружейно-пулеметного огня. Задача выполнена хорошо. Боевая подготовка кончилась. Теперь ждем выступления, чтобы на практике применить полученные знания, которые добывали в упорном физическом труде. Завтра меня вызывают в политотдел армии, вероятно, хотят предложить «повышение».

7 октября. В политотделе армии мне сказали: «Довольно вы посидели в траншеях за месяц. Дайте возможность поработать молодежи на передовой». Если бы я был на гражданке, то отказался бы от такой «честь», но поскольку я на военной службе, то я должен подчиниться приказу. Со мной вежливо поговорили и пообещали взять в тылы армии.

8–12 октября. Работаем напряженно, готовим полк к боям. Все говорят, что бои ожидаются тяжелыми. Народ возбужден, требует быстрее наступления.

12 октября передвинулись на новый участок, западнее г. Мариамполя, в 8 км от границ Восточной Пруссии. Отсюда будем наносить главный удар. В прорыве будет участвовать вся 11-я гвардейская армия, отдельными дивизиями своих корпусов. Так, в 36-м корпусе из трех дивизий в первый день прорыв будет осуществлять наша 84-я гвардейская стрелковая дивизия, а в ней наш 247-й гвардейский стрелковый полк, остальные — 243-й, 245-й стрелковые полки будут играть вспомогательную роль. Следовательно, мы будем осуществлять самую сложную и трудную задачу.

План наступления таков: мы со своим полком делаем прорыв по фронту на протяжении 800 м. Средства усиления и поддержки следующие — один наш полк поддерживают 4 артиллерийских гаубичных и пушечных полка, один полк самоходных орудий, один полк танков, два дивизиона «катюш», один полк сверхмощных минометов 150 мм, у которых один снаряд-мина весит 48 кг и имеет страшную разрушительную силу фугасного действия. Невиданная до сих пор плотность огня.

На участке дивизии будут действовать 800 самолетов; три залета— стало быть, 2400 самолето-вылетов. При таких средствах мы, безусловно, прорвем оборону противника, но выйдем ли мы к границе и, самое главное, за границу, сказать трудно.

14 октября. Внезапно прибыл майор Поддубский с предписанием мне сдать ему дела и отправиться в распоряжение армии.

В одни сутки я проделал все необходимое и доложил своему патрону Богачу, тот пожалел о том, что я ухожу перед самым наступлением. Полковник Евсеев сказал мне на прощанье: «Мы, политотдел, к тебе не имеем никаких претензий, ты прекрасно и добросовестно работал». Как будто меня этому научил Евсеев. Я приучен к добросовестности и трудолюбию моим отцом, партией и жизнью. Я еще мальчишкой начал служение Родине на аванпостах революции. И здесь за 36 месяцев я претерпел всю тяжесть войны: отступление, разгром дивизии под Боровском, наступление и разгром немцев в последующих боях — самое тяжелое и ужасное я испытал. И в этой борьбе, которая требовала величайшего напряжения всех моральных и физических сил, я сумел сохранить силу, здоровье и стойкость во всех перипетиях жизни. И сейчас я подвожу итоги моей боевой жизни.

15 октября. Сдав дела новому парторгу 247-го полка, я отправился в отдел кадров политотдела 11-й гвардейской армии и получил предписание и назначение на должность инструктора оргпартработы политотдела тыла армии, одним словом, скучная чиновничья работа. Я не могу примириться с мыслью, что уже не буду находиться там, где идет сражение, рвутся снаряды, умирают и побеждают солдаты. Мое новое назначение — это предвестник ближайшего моего выхода в тираж как боевого командира.

16 октября. День генерального наступления. Задача: подойти к границе Восточной Пруссии и перейти ее, вторгнувшись в пределы Германии. А я в связи с ухудшающимся состоянием здоровья получил приказание отправиться в госпиталь, находящийся в 3 км от передовой. Слышен сплошной гул нашей артиллерийской подготовки. Пробыл в госпитале 3 дня, за это время наши войска перешли границу Восточной Пруссии. Это победа!

* * *

На этом заканчивается «Дневник ополченца» — хроника боевых событий Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года по 15 октября 1944 года, участником которых был Петр Павлович Пшеничный. рядовой гражданин своей страны, как и миллионы его сограждан, в час военных испытаний встал на защиту Родины и воевал, не щадя своей жизни.

Войну он закончил в Кенигсберге, в Восточной Пруссии. Летом 1946 года был демобилизован и вернулся в Москву, к семье, к мирной трудовой деятельности.

Начал работать, как и до войны, в Министерстве финансов СССР, сначала в должности начальника Управления финансированием капитального строительства, а позже начальником Штатного управления.

На этих больших должностях его также отличали высокая ответственность и полная отдача всех сил и способностей порученному делу.

Его самоотверженный труд был отмечен высокой наградой — орденом Трудового Красного Знамени.

В 66 лет его не стало, на здоровье сказалось все пережитое в годы войны. Потомкам он оставил свои полевые военные записи — дневники, которые должны были помочь узнать правду об этой страшной, безжалостной военной трагедии.